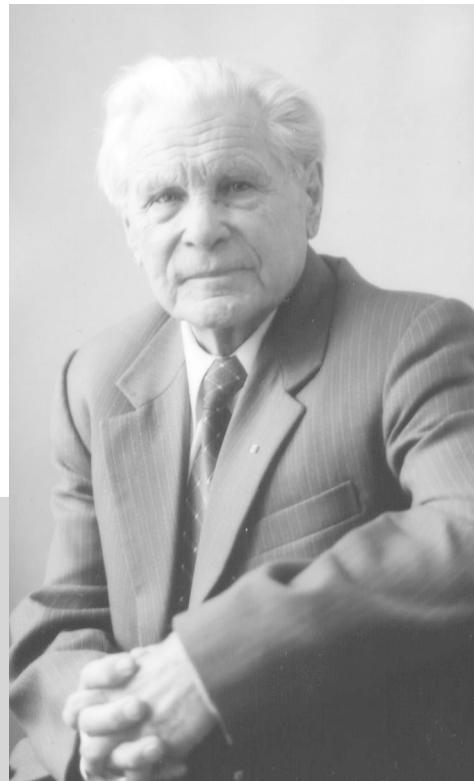

Владимир
Корзин

научно-
фантастический
детектив

Тайна таёжного лагеря

Глава первая

Сергей Гнедин, немолодой уже редактор областного книжного издательства одного из крупных волжских городов, перевернул последний лист рукописи и устало откинулся на спинку стула.

Сколько их, этих рукописей, и талантливых и бездарных, прошло через его руки, прежде чем превратиться в книгу, поступающую на суд читателя. Впрочем, суд этот свершается почти исключительно над автором, имя которого вытеснено крупными буквами на обложке книги, что же касается фамилии редактора, набранной самым мелким шрифтом где-то в конце последней страницы, то на нее, как правило, мало кто вообще обращает внимание. А между тем...

Гнедин горько усмехнулся. Но в это время дверь громко хлопнула, и в комнату стремительно, как порыв ветра, ворвалась художница издательства Ольга Ланина. Стойкая, чуть выше среднего роста, искрящаяся жизнерадостностью и здоровьем, совсем еще юная блондинка с очень милым лицом и огромными голубовато-серыми глазами, она являла собой прямую противоположность Гнедину, уже достаточно пожившему, болезненно худощавому мужчине с потухшим взглядом и мед-

лительными движениями, которые лишь подчеркивали его постоянную замкнутость и немогословность.

Вот и теперь он медленно поднял голову и устало потер лоб тонкими, как у музыканта, пальцами, словно раздумывая, стоит ли как-то реагировать на появление художницы.

Но для той все это было, видимо, более, чем привычным. Лицо ее не перестало светиться теплой благожелательной улыбкой, глаза по-прежнему искарились неподдельной радостью:

— Привет, Владимирыч! Закончили? — кивнула она на лежащую перед Гнединым рукопись, обжигая его самым что ни на есть светлым, обворожительным взглядом.

— Да вот, поставил последнюю точку...

— Я тоже все сделала. И обложку, и титульный лист, и с десяток рисунков. Главному понравилось. Неплохая будет книжечка. Автор так закрутил, что... Только вот язык: местами — черт ногу сломит! Ну да вы, наверное, как всегда, все причесали?

— Поправил кое-что...

— Поправил кое-что! Будто я не знаю... Да большинство авторов должны у вас в ногах валяться...

Владимир Корчагин (1924) — казанский учёный-минералог, известный писатель-фантаст, опубликовавший более десятка крупных научно-фантастических романов и повестей («Тайна реки Злых Духов», «Астийский эдельвейс», «Именем человечества», «Узники страха», «Конец легенды», «Женщина в чёрном» и др.), лауреат литературной премии им. Г. Державина.

В своё время В. Корчагина благословил патриарх советской фантастики Иван Ефремов.

Сегодня мы предлагаем новую повесть писателя, которую в жанровом отношении можно охарактеризовать как научно-фантастический детектив

— Скажете, Оля! Главное, все-таки, замысел произведения, образы его героев. А стиль... Его любой знаток художественного русского языка...

— Вот-вот, будто так много их, истинных-то знатоков языка. Ну да ладно... Я вот о чем собираюсь спросить. Почему вы все корпите над чужими рукописями? Почему не хотите написать что-нибудь свое?

— А зачем? — устало мотнул головой Гнедин. — Вы же знаете, как не просто опубликоваться здесь, у нас, и в наше время. Да и о чем писать?..

— Это вам-то не о чем писать!

— Да, пожалуй... — он коротко вздохнул, нервно взъерошил свои густые, но уже изрядно поседевшие волосы, и тихо добавил. — Может быть, когда-нибудь я и расскажу вам о себе...

— Тогда и я что-то расскажу вам, — внезапно вспыхнула Ольга, — а сейчас побегу. Главный зачем-то опять велел зайти.

Глава вторая

А жизнь, действительно, не баловала Сергея. Родился он у изрядно престарелых отца и матери и с ранних лет познал, что значит «перебиваться с хлеба на воду». Зато читать научился, когда ему не было и пяти лет и с тех пор буквально проглатывал все, что попадало под руку в виде печатного слова.

Раннее детство его прошло в небольшом поселке полугородского-поселка типа, вдали от всех «прелестей» чисто урбанистической цивилизации, но в окружении почти девственно нетронутой русской природы, что не могло не отразиться на формировании его впечатлительной души. Представленный исключительно самому себе, он часами бродил по глухим лесным тропинкам, карабкался по заросшим склонам степных оврагов, слушал беспечное воркование бегущих в них веселых ручейков, а то и просто валился в густую пахучую траву и подолгу смотрел

на плывущие в небе облака, видя в них то сны сказочных чудовищ, то пики заснеженных горных вершин. И все это рождало в его пылком сознании захватывающее представление о красоте, красоте живой природы, какую он не встречал даже в великолепных описаниях из прочтенных книг. Стоит ли поэтому удивляться, что уже тогда, в ту пору босоногого детства, в нем проснулось непреодолимое желание как-то описать эту красоту, рассказать о ней другим людям. И кто знает, как сложилась бы его дальнейшая судьба, если бы неожиданно, в однажды, не умер его отец, а вслед за тем не слегла в постель и престарелая мать, и ему в неполные двенадцать лет пришлось бросить школу и, закинув за спину холщовую котомку с краюхой хлеба, пойти в город, чтобы устроиться хоть на какую-нибудь работу. Впрочем, это было тоже непросто. Пришлось «прибавить» себе лишние два года. Зато с работой ему «повезло»: военные заводы в то время буквально задыхались от недостатка рабочей силы, и Сергея без лишних хлопот приняли учеником токаря в механический цех одного из закрытых предприятий.

Работа на станке ему понравилась. Смышленый от природы, не по годам пытливый и старательный, он быстро освоил азы престижной по тому времени профессии и уже через полгода получил достаточно высокий рабочий разряд. Жил он теперь в заводском общежитии, был сыт, одет, обут, мог даже немного помогать больной матери, и, главное — осуществить свою давнишнюю мечту: покупать себе книги.

И вдруг — война! Как звериный оскал судьбы. Как злобный вопль взбесившейся истории. Как грозный смерч, ломающий и коверкающий жизнь всей страны.

Не миновал этот смерч и завода, где работал Сергей. Уже в первые дни войны многие рабочие-мужчины ушли на фронт, и на смену им в цеха пришли женщины и дети, мальчишки и девчонки чуть постарше Сергея. И работать

теперь приходилось, как минимум, по двенадцать-четырнадцать часов в день, а то и ночевать в цехе, под станком, подстелив под голову охапку ветоши. Но самым страшным было непроходящее чувство голода, неизбывная мысль: как бы чего поесть. И все же Сергей не отчаялся. Молодость позволяла переносить любые трудности. А когда при заводе открылась вечерняя школа, он, не раздумывая, поступил в нее, чтобы закончить среднее образование. И не просто отсиживал там положенные часы, а умудрился в течение двух лет сдать все экзамены за три класса и весну Победы встретить с аттестатом зрелости.

Потом был геологический факультет университета. То, что могло бы оставаться самым светлым воспоминанием его юности. Ведь что стоила только преддипломная практика на Северном Урале, где он, исполняя обязанности младшего геолога, совершенно самостоятельно открыл перспективное хромитовое оруденение и в первый раз в жизни поцеловал самую красивую однокурсницу, сероглазую Марину Масленникову. Да так бы оно и было. Ведь той же зимой Марина согласилась стать его женой, а заведующий кафедрой минералогии официально пригласил его к себе в аспирантуру. А дальше... И надо же было ему написать небольшую эпиграмму на одного из партийных бонз. Он и написал-то ее просто так, чтобы только посмешить своих друзей и думать не думал, что из-за этой писульки его вдруг вызовут повесткой в НКВД. Но там ему быстро объяснили «смысл содеянного», и из кабинета следователя он уже не вышел.

Потом был суд. И не подлежащий обжалованию вердикт: десять лет лагерей без права переписки.

А сразу вслед за этим – долгие недели тряски в душном, вонючем, переполненном зеками товарном вагоне, спешная ночная высадка под непрерывный лай собак и щелканье ружейных затворов на глухой безлюдной станции, изнурительнейший многодневный марш

по топкому, гудящему от кровососов всех мастей лесному бездорожью и наконец сам лагерь где-то в забытом Богом углу сибирской тайги.

Глава третья

Лагерь этот был, по-видимому, какого-то особого назначения. Располагался он в котловинообразной лощине, окруженной густым хвойным лесом, где на небольшой, километра полтора-два в поперечнике, поляне, окаймленной не сколькими рядами колючей проволоки со сторожевыми вышками, стояло несколько низких, в рост человека, бараков для заключенных, два бревенчатых дома для охраны и начальства, небольшой хозяйственный двор с кладовой, кузницей и конюшнями для лошадей и огромное приземистое сооружение с высокой дымовой трубой, что было, должно быть, какой-то фабрикой или чем-то в этом роде.

Все эти строения были приурочены почему-то к бортам котловины, а вся ее центральная часть была изрыта бесчисленными канавами, ямами, закопушками, горбилась кучами свежевырытой земли, что придавало ей сходство с беспорядочно эксплуатируемой горной выработкой. Впрочем, так оно, оказывается, и было. Все заключенные лагеря с утра до позднего вечера копались в этих ямах, отыскивая какие-то камни, поступающие в переработку на «фабрику».

А вот что это были за камни, Сергей так и не узнал. Дело в том, что его с самого начала определили в так называемую хозгруппу, в обязанности которой входило снабжение лагеря водой и дровами, ремонт и наладка рабочего инвентаря и инструмента и, что было самым кошмарным, почти ежедневное захоронение трупов умерших зеков.

Ютились «хозяйственники» тут же, при хоздворе, спали вместе с лошадьми в конюшне, и всякий контакт их с зеками, занятыми на земляных работах, был категорически запрещен. Охрана

строго следила за этим и беспощадно пресекала любые разговоры, так или иначе касающиеся работы в котловане и на фабрике.

Был, правда, случай, когда во время поездки к реке за водой Сергей заметил в свежевывороченных корнях огромного кедра, только что поваленного пронесшейся грозой, довольно крупный блестящий камень, в котором без труда узнал сфалерит и сразу сообразил, что образовавшийся здесь, в реке, перекат обязан кварцевой жиле с сульфидным оруденением. Эта жила, очевидно, доходила и до лагеря, и весь этот район мог быть перспективным на свинцово-цинковые руды. Но не ради же обычных сфалерита и галенита велись там столь строго засекреченные раскопки. Разве только какие-то сверхуникальные примеси в них так заинтересовали чекистов? Но все это так и осталось в области предположений и догадок.

Да и до того ли было ему, вечно голодному, вконец изнуренному почти круглосуточной непосильной работой, постоянно находящемуся под дулом автомата зеку! Теперь у него была только одна проблема: выжить. Постепенно он потерял счет дням и месяцам, и в одну из наиболее суровых зим чуть было совсем не отдал Богу душу, лишь чудом дожил до весны. Но силы его были уже на исходе. Теперь он еле волочил ноги и отсчитывал последние дни, оставшиеся до того, как его самого повезут так, как он возил своих товарищей по несчастью.

Однако судьба уготовила ему нечто иное. В тот день он должен был поехать в лес за дровами. Обычно они ездили вдвоем. Но в этот раз напарника его свалил сердечный приступ. Пришлось ехать одному в сопровождении сержанта-конвоира. Сержант этот был знаком ему давно. Он не раз возил Сергея и в лес, и на реку и вроде даже по-своему сочувствовал зеку. Вот и теперь, усевшись на телегу и передернув ремень автомата, он коротко заметил:

– Давай на дальнюю делянку. Там, я знаю, оставались готовые чурбаны.

Где тебе одному с цельной лесиной справиться?..

– Спасибо, сержант. Я действительно еле на ногах держусь.

Больше они не произнесли ни слова. Но как только приехали на делянку, сержант неожиданно отложил автомат в сторону и сказал:

– Давай грузить вдвоем, чего уж там...

Но только они взялись за первую плаху, как странный гул раздался со стороны лагеря, а в следующее мгновение уши пронзил ужасающий грохот и гигантский столб пламени взметнулся к небу, зависнув над тайгой подобно огненному смерчу.

В тот же миг бешено вращающийся вихрь безмерно уплотненного воздуха ударили Сергея в грудь, приподнял его над землей и сбросил вниз, в овраг.

Летя и кувыркаясь по крутыму склону, Сергей попытался было еще ухватиться за растущие здесь кусты, но уже через секунду почувствовал страшный удар в голову и плечи и сразу провалился в жуткую звенящую черноту.

Очнулся он от едкого дыма, от которого першило в горле, не давая сделать полного вдоха. Сергей раскрыл глаза и увидел, что лежит на дне глубокой узкой расселины, а рядом с ним, буквально в нескольких сантиметрах от его лица, тлеет обуглившийся сук дерева, очевидно, свалившийся откуда-то сверху. Плечи и верхнюю часть спины все еще сводило от боли. Но руки и ноги двигались свободно, а голова была абсолютно ясной.

Он поднялся, сначала на четвереньки, затем во весь рост. Долго и мучительно карабкался вверх. Но что это?! Леса, того густого таежного леса, который занимал весь окоем, простираясь от горизонта до горизонта, больше не было. Всюду, куда он мог проникнуть взглядом, торчали лишь тлеющие пни да обгоревшие стволы когда-то могучих сосен и кедров. В воздухе стоял удушливый запах гари. Мглистая пелена не позволяла ему оценить всего масштаба произошедшей катастрофы, но и то, что он мог видеть, наталкивало на

мысль, что пожар бушевал здесь не один час, и только глубокая трещина спасла его, потерявшего сознание, от огненного шквала, пронесшегося над самой головой.

Но что теперь делать? Куда пойти?

От лагеря, похоже, не осталось и следа, как от всех, кто там еще оставался. Счастье, что его послали за дровами, и он угодил в эту спасительную расселину. Впрочем, счастье ли? Там, в лагере, все погибли, видимо, в одно мгновенье. А что ждет его? Тоже смерть. Только длительная, мучительная смерть от голода в этой выжженной безжизненной пустыне.

Он еще раз с тоской обвел взглядом мрачный удручающий ландшафт и вдруг услышал стон. Стон человека!

«Боже, это еще что?» – пронеслось в его воспаленном мозгу. И лишь минуту спустя он вспомнил, что был не один. Что вместе с ним был сержант-конвоир. Где же он?

Сергей лихорадочно обшарил глазами почерневший склон оврага и тут же увидел торчащие из-под обгоревших кустов знакомые ему хромовые сапоги.

– Сержант! Сержант!!! – крикнул он, раздвигая кусты. – Ты жив?

– Ох, не знаю... Болит! Воды... Там, во фляжке... Вроде, было еще...

Сергей подскочил к распростертыму на земле сержанту, пытаясь выволочь его из кустов. Но тот лишь слабо качнулся головой, закашлялся, изо рта у него показалась кровавая пена:

– Не надо... Не трожь меня... Только... Воды...

Сергей нащупал на ремне сержанта флягу, поднес ее ко рту своего бывшего конвоира. Тот сделал несколько глотков и снова заговорил:

– Слушай меня... Куртыгин. Так ведь твоя фамилия? Так вот что... Это в лагере взрыв... Я знал, что так будет. Я многое чего знал... Такого, чего не знал почти никто. А теперь... Теперь уж совсем никто ничего не узнает. Но надо, чтобы узнали... Только я... Только я уж совсем... А ты... Ты похоронишь меня? Похоронишь, как человека?

Сергей молча кивнул.

– Вот за это спасибо... Спасибо, Куртыгин! Но это после... После... А теперь все-таки слушай. Там, в лагере... Ведь не даром живым оттуда никто не возвращался. Не только вы, зеки, но и мы, охрана. Да и ученые-физики. Потому что... Нет, об этом так просто не расскажешь, а я... Но обо всем этом написано в письме, которое я должен был передать своему двоюродному брату, известному физику-атомщику. Вот здесь оно, в сумке. Так вот, забери его... Ведь ты, я знаю, мой земляк... Так вот, сохрани это письмо и передай его моему брату Петру Ильичу Гнедину. Адрес там... Найдешь... Так вот, передай ему, что...

– Х-м, передай! – невольно усмехнулся Сергей.

– Ах, да, ты же... Без документов... И вообще... Тогда слушай... Как похоронишь меня, забери мои документы...

– Зачем?

— Как зачем? Будешь не Куртыгин, а Гнедин. Лица у нас, я давно приметил, похожи. Возраст — тоже, даже по имени мы тезки... Ну, а с моими документами, может, выберешься отсюда. Деньги на дорогу там же, в кармане гимнастерки. Денег больше, чем достаточно. А как разыщешь брата, он все для тебя сделает. Он сможет, я знаю... Ну вот и ... все. Прощай, Куртыгин, а я... Я чувствую, что еще немного и... — губы сержанта скжались, по телу пробежала дрожь, голова упала на бок, глаза остекленели.

— Царства тебе небесного, мил человек. — Сергей выволок его из кустов, поднялся на берег оврага. — Только как же предать тебя земле? — он прошелся по твердой слежавшейся дерновине, попробовал ковырнуть ее ногой, — Нет, без лопаты тут не обойдешься.

И снова всплеск памяти — так ведь они приехали сюда на лошади с телегой, а в ней и топор и лопата. Сергей вернулся к оврагу и сразу увидел и то и другое: телега, перевернутая вверх колесами с напрочь оторванными оглоблями и передком лежала в самом низу оврага, поперек ручья, а его бедная лошадь с переломленным хребтом, придавленная упавшей лесиной растянулась чуть поодаль, со страшно оскаленной мордой и как-то неестественно подогнутыми под брюхо копытами. Здесь же валялись топор и лопата. Так что через час с небольшим могила была готова.

Сумку с тщательно упакованным в целлофан письмом он сразу отложил в сторону. А документы и деньги... Могли он, в самом деле, воспользоваться документами погибшего и выдать себя за сержанта Сергея Гнедина? Было в этом все-таки что-то не совсем этичное. Но, с другой стороны, ведь он сам предложил сделать это. Да и что значило бы остаться здесь, на территории бесчисленных лагерей, без всяких документов. Кто поверит, что он всего лишь жертва взрыва, а не совершивший побег из лагеря.

Сергей снова и снова перелистал паспорт, военный билет и другие документы конвоира. Со всех фотографий,

помещенных в них, в самом деле смотрел будто он сам, каким был два-три года назад. А когда взгляд его упал на лицо покойника, то он даже вздрогнул от какого-то неясного предчувствия: ему вдруг показалось, что перед ним лежит не просто давно знакомый, но очень близкий, почти родной человек.

— Ну, что же, Серега, — прошептал он, целуя его в лоб. — Спасибо тебе за все. Давай уж и твою одежду сержантскую, и пусть земля тебе будет пухом. А я... Я с этой минуты буду и до конца дней своих останусь Сергеем Владимировичем Гнединым. Мать простит меня за это. А все остальные... Для них я давно перестал существовать.

Он бережно завернул тело умершего в захваченную с телеги рогожу, осторожно опустил в могилу и аккуратно засыпал ее землей, положив сверху небольшой замшелый камень.

Между тем небо заволокло тучами, сверху посыпал небольшой мелкий дождь. И тут Сергей почувствовал нестерпимый голод. Да и могло ли быть иначе, ведь во рту у него с утра не было ни маковой росинки. Но что можно было найти здесь, среди этих обгорелых пней, где не осталось даже кустика живой травы. Неужели придется только лечь и умереть!

И вдруг его осенило — лошадь! Да, только она, его верная Машка, столько времени безропотно служившая ему и всему лагерю, может теперь спасти его от голодной смерти. У него не было, правда, даже ножа. Но был топор. А соорудить здесь, среди этих тлеющих пней и груд обгорелого валежника костер было проще простого.

— Итак, за дело! — Сергей мигом сорвался с места. Не прошло и часа, как он, подобно новоявленному пещерному дикарю, рвал руками и зубами полусырую, испеченную в золе конину. Когда он насытился, взяла свое усталость: глаза его стали слипаться, и он уснул прямо тут, у догоравшего костра, рядом с могилой своего бывшего конвоира.

Проснулся Сергей от свежего бодрящего ветерка, который тотчас разве-

ял остатки сна и вернул чувство обреченности и тревоги. В самом деле, что же делать дальше? Лагеря больше нет. Нет и лютой охраны, которая не спускала глаз с заключенных. Делай, что хочешь, иди, куда хочешь! Но что делать и куда идти?

Ясно было одно: так будет продолжаться недолго. Там, в Гулаге, рано или поздно узнают о случившемся, и целая орава вооруженных до зубов чекистов хлынет сюда, прочесывая все высотки и овраги. Значит, сейчас же в пути! В путь немедленно! Прямо вниз, по ручью. Ручей этот течет несомненно к реке, на берегу которой располагался лагерь, и потому должен пересечь и дорогу, по которой его когда-то пригнали сюда. Ну, а там... Там что Бог даст.

Сергей наклона пожевал печеною копини, сложил остатки ее в свою рубаху, приспособив ее как заплечный мешок, подхватил сумку сержанта и готов был уже двинуться вниз по ручью. Но в последний момент вернулся к могиле:

«Слушай, сержант, — мысленно обратился он к усопшему, — я бы, конечно, выполнил твою просьбу, передал твоему брату это письмо. Мне и самому интересно, что за тайна хранится в твоей сумке, что там творилось, в нашем лагере. Но посуди сам: если на подлог документов еще и не обратят внимания, то, обнаружив у меня записки о сверхсекретном объекте, меня тут же прикончат как бешеного пса. Пусть уж лучше они останутся тут, с тобой. Ну, а со временем... Может, я и вернусь за ними. Во всяком случае с братом твоим я все-таки повидаюсь и расскажу ему все». — Он нагнулся и засунул сумку под камень на могиле.

Теперь — в путь!

Глава четвертая

Все дальнейшее оказалось проще, чем он думал. Дорога была, оказывается, совсем недалеко. Никто ему на ней не встретился. Но сил своих Сергей не рассчитал. Уже где-то к полудню

он почувствовал, что не сможет сделать больше ни шага, и вынужден был залечь в придорожных кустах.

Так было и на второй день, и на третий. А к концу третьего дня полил дождь. В считанные минуты Сергей вымок до нитки, и вся последующая ночь превратилась для него в сплошной кошмар: его был озноб, голова раскалывалась от боли, беспрестанный кашель разрывал грудь. К утру он был уже в каком-то странном, полуబредовом состоянии и даже не удивился, когда услышал чьи-то голоса и конское ржание.

«Ну да, я же в лагерной конюшне, — пронеслось в его мутащемся сознании, а все, что было до этого — просто сон».

Потом ему почудилось, что кто-то затащивает его на телегу. Но и это было вполне естественно: разве мало таких он сам вывозил на лагерный погост.

«Вот и я вместе с тобой, сержант. Скоро встретимся там, на небесах», — пронеслась последняя мысль, и он окончательно провалился в черный бездонный омут.

Очнулся он на дряхлой деревянной кровати, в бедной крестьянской избе и долго не мог понять, как и почему оказался здесь. Но через минуту над ним склонилось чье-то лицо и негромкий женский голос спросил:

— Проснулся, касатик? Ну и слава Богу, а то я уж и не чаяла. Я вот чайку с малинкой приготовила. Попей немножко, глядишь, и полегчает. Сейчас бы тебе молочка горяченького, да видишь, какое дело: сдохла моя кормилица, прибрал ее Господь. Но и чаек с малиной...

— Постойте! — прервал ее Сергей. — Где это я?

— Так у меня в хате. Намедни ехали мы с базара и нашли тебя, чуть живого, в лесу на дороге. Ну и привезли ко мне: я, как видишь, одна живу. А ты пей, пей!

Сергей сделал несколько глотков обжигающего напитка и откинулся на подушку.

«А все-таки это был не сон», — пронеслось в его голове, и он снова провалился в знакомый бездонный омут.

Разбудил его громкий шепот, доносившийся из-за перегородки.

— Ну как, кума, ожил твой покойничек? — отчетливо прозвучал оттуда неизвестный женский голос.

— Слава Богу! Как напоила его ма- линкой, так сразу пропотел и вроде раз- дышался. А кто он, по-твоему?

— Кто ж его знает. Какой-то военный.

— То-то, что военный. Слышала, где-то там, в тайге, взорвалось что-то. Так, может, оттуда он?

— Говорю, не знаю. Да и что из это- го...

— И то верно. Кто бы он ни был, все же человек божий. Жалко мне его. В лесу ведь чуть не помер. Так ты вот что... Не болтай обо всем этом. Мало ли что...

— Будь спокойна. Никто не узнает.

Сразу вслед за этим входная дверь захлопнулась, и сердобольная хозяйка вновь склонилась над Сергеем:

— Проснулся? Ну и ладно. Теперь неплохо бы тебе и поесть. Я утром курчонка забила, сейчас принесу тебе бульончика.

Сергей приподнялся на подушке:

— Постой! Сначала скажи, как тебя зовут.

— Меня-то? Федосьей кличут.

— Федосьей? Значит, теткой Феней!

Представь, точно так зовут и мою мать. А кто это был у тебя, тетка Феня?

— Соседка моя, Аграфена Сысоева. Мы с ней вместе на базар-то ездили, когда нашли тебя.

— Вот как! А это ты верно сказала, что не стоит болтать обо мне лишнего. Сейчас всех военных пытают, где и что взорвалось. А я, к примеру, понятия об этом взрыве не имею. Я служил в стройбате, попал под демобилизацию, спешил на станцию. Да вот такая незадача. А как мои документы? В кашу, на- верное, превратились?

— Нет, что ты! Все документы я про- сушила, разгладила. Целехоньки. И деньги тоже. Много их у тебя, оказывается, денег-то. Но ты не думай, я и копеечки не взяла.

— Да я и не думаю, — не мог не ус-

мехнуться Сергей. — А деньги... Платили нам действительно немало, не то, что на гражданке. А ты вот что... Скажи, сколько может стоить сейчас корова?

Женщина задумалась:

— Да тыщ пять, наверное, не мень- ше.

— Тогда сделаем так: отсчитай из тех денег пять тысяч и купи себе корову. Остальных мне хватит.

— Ой, что ты, касатик! Как можно? Нет-нет, ни за что не возьму.

— Возьми, тетя Феня. Даже после этого я еще останусь твоим должником, ты же меня от смерти спасла. А теперь нам в самом деле пора поесть.

— Что я и говорю, — она помогла ему одеться, накрыла на стол, внесла миски с дымящимся бульоном.

Сергей пристроился на немудреной табуретке и взялся за ложку. Несмотря на непроходящую слабость, никогда еще он не чувствовал себя так легко и комфортно.

А та не знала, как угодить и чем попотчевать своего постояльца. Затем снова уложила его в постель и аккуратно прикрыла одеялом.

— С кем же ты живешь-то, касатик, — ласково проговорила она, поправляя ему подушку.

— А ни с кем. В живых осталась только мать. Если еще осталась.

— Так ты давно не видел ее?

— Давно.

— Вот и я свою дочь давно не виде- ла. Как уехала она в город учиться, так и... Раньше хоть писала мне. А в по- следнее время... Вот уж месяц — ни строчки.

— А адрес ее?

— Не знаю даже адреса. Велела писать ей на главную почту, как это там... «До востребования». А не ровен час, что случится...

— Да, не позавидуешь тебе, тетя Феня. Как и мне...

— Ну, какие еще твои года. Вот бы тебе с моей дочкой...

— Что?

— Нет, это я так... — женщина неожи-

данно всхлипнула и поднесла фартук к глазам.

— А что станция, далеко от вас? — спросил Сергей больше для того, чтобы сменить тему разговора.

— Станция-то? Нет, недалече, каких-нибудь верст пятнадцать, не больше. Да ты не беспокойся, мы свезем тебя туда на лошади. Только не торопись, поживи еще у меня, окрепни малость.

Сергей и сам понимал, что пускаться в путь в его теперешнем состоянии было по меньшей мере неразумно. Но он лишь благодарно погладил руку Федосье.

Так прошло около недели. Все это время Сергей не выходил из избы, чувствуя, как день ото дня возвращаются его силы и растет расположение к сердобольной хозяйке. Та же, похоже, готова была душу отдать за своего постояльца. Особенно после того, как в один из базарных дней сходила в соседнее село и привела крутогорую буренку. В тот вечер она буквально сияла от счастья и, торжественно выложив перед Сергеем небольшую пачечку денег, с чувством произнесла:

— Вот тебе сдача. За четыре с половиной тыщи выторговала я буренушку.

— Что ты, тетя Феня, — отодвинул деньги Сергей, — я тебе в десять раз больше задолжал за все твои заботы обо мне.

Впрочем, теперь он постарался вернуть этот долг не только на словах. Окончательно придя в себя, он подремонтировал во дворе развалившийся хлевушок, подлатал крышу, поправил покосившееся крыльцо, а главное — привел в порядок видавший виды репродуктор и внимательно прослушивал теперь все «последние известия» из Москвы, надеясь услышать хоть что-нибудь о произошедшем взрыве. Но, как и следовало ожидать, ни в одной передаче об этом не было ни слова.

Наконец настал день, когда он почувствовал себя почти совсем здоровым. Тетка Феня заранее купила для него билет, отвезла на лошади на станцию, и он без всяких происшествий, как

самый обыкновенный, ничем не отличимый от других пассажир занял место в плацкартном вагоне скорого поезда. Жалко было только, что там, у безымянного ручья, осталась сумка сержанта с таинственным письмом. Но, как знать, может, он еще вернется туда и воскресит тайну таежного лагеря...

Глава пятая

Отыскать квартиру брата Гнедина не составило труда. Он жил в самом центре города, в большом элитном доме, и уже через минуту Сергей стоял перед изящной металлической дверью, на которой красовалась небольшая бронзовая табличка с его именем.

Дверь ему открыла молодая красивая девушка.

— Простите, мне нужно видеть Петра Ильича Гнедина, — несмело произнес он, невольно любуясь юной красавицей.

— Так проходите, проходите, пожалуйста, — проворковала та, сияя обворожительной улыбкой. — Вы двоюродный брат Петра Ильича, так ведь? Я сразу вас узнала.

— Узнали?.. — не мог не растеряться Сергей.

— Ну да. Он, правда, почему-то никогда не рассказывал о вас. Не говорил даже, кто вы, кем работаете, где живете. Но я видела ваше фото.

— Понятно. А с кем я имею честь?..

— Да, мы же не познакомились еще. Я — Ольга Павловна Ланина. А вы, как я понимаю, Сергей Владимирович Гнедин?

— Да... — неопределенно промямлил Сергей, окидывая взглядом роскошно обставленную гостиную.

— Так вот, — продолжала Ольга, не переставая мило улыбаться, — мы были очень близки с Петей. Он и я... Словом, мы жили в гражданском браке...

— Постойте, а почему «были», «жили»?

— Да, вы же не знаете. Теперь уже год, как Пети нет в живых.

— Как нет в живых?!

— Погиб. Я была тогда в турпоездке, в Италии. А когда вернулась... — глаза Ольги наполнились слезами, она всхлипнула.— А когда вернулась, узнала, что он убит. Убит прямо здесь, в своем кабинете...

— Но кому и зачем понадобилась его смерть?

— Кто знает... Он ведь был, как вам известно, сотрудником института атомной физики. И, как физик-теоретик, работал больше дома, работал в области весьма деликатной. Это, по-видимому, и явилось причиной трагедии. Ведь преступники не тронули ни вещей, ни драгоценностей, ни денег. Исчез только архив Пети, его научные записи. Так что судите сами...

— А каковы были выводы следственных органов?

— Было и следствие. Меня без конца вызывали на допрос. А в результате — ничего! Мне оставалось только поставить ему памятник.

— Ну, а вы сами?

— Что я сама? Петя оставил завещание. И поскольку у него не было, кроме вас, никаких родственников, а вы были где-то за тридевять земель, я стала единственной наследницей и этой квартиры и всего прочего, включая его сбережения. И теперь вот...

— Вы где-то работаете?

— Я художница. Просто член Союза художников. Здесь, в квартире, и моя рабочая мастерская. Позже я покажу вам. А теперь... Кстати, а вы надолго к нам, может быть, насовсем или только проездом? Простите мое любопытство. Но ведь мы, можно сказать, почти родственники.

— Да...

— Так каковы ваши планы, Сергей Владимирович?

— Как вам сказать... Это будет зависеть... Вы не позволите мне позвонить от вас по телефону?

— Сколько угодно. Пройдите вот сюда, в кабинет. А я организую пока чай и вообще...

Она прошла на кухню, а он, чуть помедлив и немножко уняв вдруг охва-

тившее его волнение, поднял трубку и набрал заветный номер. В уши ударили зловещие длинные гудки. Казалось, им не будет конца. Сергей даже вспотел от тревожного предчувствия. Но тут в трубке что-то громко щелкнуло, и далекий, но бесконечно милый, до боли знакомый голос произнес:

— Алло, вас слушают.

Сергей с трудом перевел дыхание.

— Марина?

— Да, я. А кто это?

— Марина, это я, Сергей.

— Какой Сергей?

— Ты что, уже и голос мой не узнаешь?

— А-а, Сережка! Вот новость! Ты что, освободился? Совсем?

— Да... Я здесь, в нашем городе и хотел бы...

— Постой! Выслушай меня сначала, — голос в трубке стал сухим и жестким. — Так вот, я уже год, как замужем. Слышишь? У меня хорошая крепкая семья, и нам лучше не видеться больше. Не видеться совсем. Ты понял меня?

— Понял... — еле выдавил из себя Сергей, кладя трубку на рычаг и опускаясь в кресло.

Из груди его готов был вырваться душераздирающий вопль: «Вон! Вон из этого города, который и на этот раз не принес ничего, кроме горя и страданий».

Единственным местом на Земле, где он мог еще обрести покой и умиротворение, оставался дом его матери в родном, Богом забытом поселке. Только жива ли еще она?

Он полистал лежащий на столе справочник и снова поднял трубку:

— Справочная вокзала? Когда отправляется восемьдесят восьмой? В двадцать десять? Спасибо.

В дверях кабинета показалась Ольга:

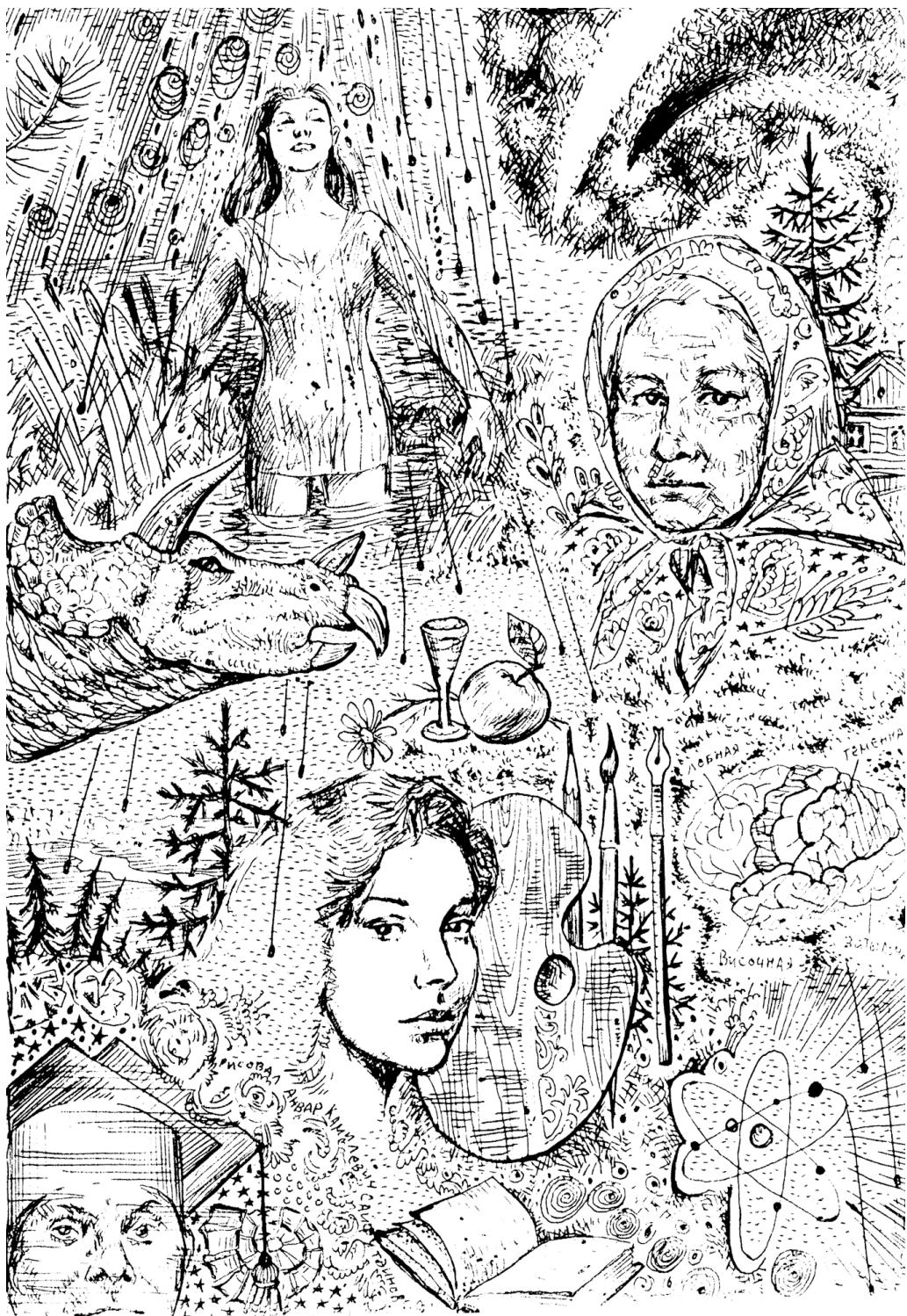
— Ну как, все в порядке?

— Да, но, к сожалению, через час я должен быть уже на вокзале.

— Как, вы не выпьете даже чая?

— Спасибо. Но так складываются дела.

— Жаль. Очень жаль! А я думала... Я

собиралась даже познакомить вас с кое-какими трудами Пети, дать прочесть кое-что из его чудом сохранившихся рукописей. Мне казалось, что все это было бы небезынтересным для вас, поскольку... Ведь он как-то упоминал, что вы должны привезти ему какое-то письмо от его коллег, физиков-атомщиков, ваших общих знакомых. И я готова передать это письмо в институт или кому-то из его сотрудников, если вы сочтете это необходимым.

— Спасибо, но... Вы правы, я действительно должен был кое-что привезти Петру Ильичу, какое-то письмо или дневниковые записки одного ученого-физика, но...

— Опять «но»?

— Да, получилось так, что у меня нет их с собой, они... В общем, это длинная история, и мы как-нибудь вернемся к ней. Попозже. А сейчас я должен, к сожалению, покинуть вас.

— Что же, пусть будет так. Я надеюсь, мы еще увидимся?

— Я тоже надеюсь на это. До свидания, Ольга Павловна.

— Счастливого вам пути, Сергей Владимирович, — протянула она ему обе руки, обжигая все той же чарующей улыбкой. А он готов был сквозь землю провалиться с досады за нелепую недоговоренность, какой не смог избежать в разговоре с ней.

«Ну да ладно, — постарался он утешить себя, торопливо сбегая по ступеням лестницы, — в конце концов, что она мне? Да и едва ли мы еще когда-нибудь встретимся. Мир большой. А в городе этом мне осталось пробыть лишь до отхода поезда, часа полтора-два, не больше.

Но на вокзал он прибыл много раньше, чем рассчитывал: удачно подвернувшееся такси домчало его туда за считанные минуты. И потому, купив билет и узнав к тому же, что поезд изрядно запаздывает, он решил немного перекусить. В привокзальном кафе было почти пусто, весь процесс немудрящего ужина занял не больше получаса, и он готов был уже выйти на перрон, когда взгляд его упал на представительного мужчину, сидящего за дальним

столиком у окна и потягивающего пиво. Мужчина этот показался Сергею знакомым. А подойдя ближе, он окончательно убедился, что это его бывший однокурсник Михаил Штеменко, бессменный комсомольский вожак и признанный кумир всех девчонок-геологичек.

Нельзя сказать, чтобы Сергей в свое время был дружен с этим студентом, скорее наоборот, сторонился этого напыщенного Дон-Жуана, корчившего из себя высокое начальство, поэтому первым порывом его было как можно скорее и незаметнее покинуть зал. Но внезапно всколыхнувшаяся волна воспоминаний о прошлых годах студенчества заставила его подойти к столику Михаила и окликнуть его.

Тот медленно поднял голову от пивной кружки и, окинув Сергея оценивающим взглядом, протянул:

— А-а, кажется, Сергей... Только знал твою фамилию.

«Ну и слава Богу!» — пронеслось в голове Сергея, и он поспешил закрепить забывчивость Михаила:

— Сергей Гнедин я, из группы стратиграфов, а ты был в группе геофизиков, так ведь?

— Да-да... — Михаил отхлебнул из кружки и откинулся на спинку стула. — Теперь я вспомнил: и твою фамилию, и твои выступления на наших студенческих конференциях, где ты без конца срывал аплодисменты, и как упекли тебя за какую-то антисоветчину. А теперь что же, ты освободился?

— Да, попал под амнистию и еду вот к матери.

— И что же думаешь делать дальше?

— Не знаю. Хотелось бы вернуться в геологию. Но как? Ты-то, наверное, уже по меньшей мере главный геолог управления, а то и выше.

— Да, считай, что повыше. С прошлого года я — декан геологического факультета университета.

— Дека-ан! Вот здорово! Так, может, ты и поможешь мне вернуться в геологию?

— Чем же я смогу тебе помочь?

– Ну, может, на заочное отделение устроишь или организуешь защиту дипломного проекта экстерном? Я, кстати, натолкнулся там, в Сибири, на уникальнейшее месторождение сульфидных руд. Вот и тема дипломной. Мне бы, главное, диплом получить, а там...

– Гм, диплом... Ты что забыл, по какой статье сидел?

– Я слышал, теперь все политические амнистированы.

– Амнистия амнистией, а судимость теперь до конца жизни будет на тебе висеть. Нет, на факультет тебе дорога закрыта! А что касается моей протекции тебе, то уж – дудки! Я ведь не только декан. Я и член парткома и председатель одной из комиссий горсовета. И должен испортить свое реноме из-за какого-то бывшего арестанта?! Нет уж! Считай, что мы даже не знакомы. И не вздумай кому-нибудь сболтнуть о нашей сегодняшней встрече. Словом, я тебя не знаю и знать не хочу. И вот еще что. Ты, помнится, ухлестывал за Маринкой Масленниковой из вашей группы? Попробуй только сунуться к ней! Она моя жена. Понял? И в случае чего ты не только зубов, но и ребер своих не досчитаешься. Все! А теперь проваливай отсюда.

Сергей медленно встал. Кулаки его сжались. Все тело напряглось, как туго натянутая струна. Как ему хотелось хотя бы плюнуть в морду этого напыщенного индюка. Но в это время за окном послышался шум подходящего поезда, а тишину зала прорезал громкий голос дежурного по вокзалу:

– Поезд номер восемьдесят восьмой прибывает на первый путь. Стоянка поезда – десять минут. Просьба к пассажирам – пройти на посадку.

Сергей вышел на перрон и поднялся в вагон.

Глава шестая

И вот он снова в поселке своего детства, у почти вросшего в землю са- манного барака, перед ветхой, покосив-

шейся, до боли знакомой дверью. На его осторожный стук оттуда показалось лицо немолодой, совершенно незнакомой женщины:

– Вам кого?

– Я... Простите, пожалуйста. Здесь проживала Федосья Васильевна Куртыгина. Так вот я...

– Никакой Куртыгиной я не знаю, – грубо оборвала его женщина, поспешно закрывая дверь.

– А вы давно здесь живете? – остановил ее Сергей.

– Года полтора. А что?

– Нет, ничего... Простите за беспокойство, – он сошел с крыльца, совершенно не представляя, куда теперь идти и что делать.

Но тут его взгляд упал на дряхлую старушку, сидящую на лавочке у соседнего барака. Лицо ее показалось знакомым.

– Простите, пожалуйста, – обратился к ней Сергей. – Вы не знали, случайно, Федосью Васильевну Куртыгину из барака напротив?

– Федосью Куртыгину? Как не знать, столько лет соседями были. Царство ей небесное. Прибрал ее Господь. Да... А я вот до сих пор маюсь.

– И давно она умерла?

– Давненько... Почти сразу, как сынто ее сгинул. А ты кем же ей приходишься? – старуха пристально взгляделась в лицо Сергея. – Постой-постой! Уж не тот ли ты мальчионка, по которому она так убивалась, не Сережка ли постреленок?

– Я, тетя Маша. Я теперь тоже вас узнал.

– Ну-ну! Поздновато ты решил навестить свою матушку.

– Нельзя было раньше. Сидел я. В казенном доме сидел.

– Батюшки-светы! – всплеснула руками тетка Маша. – Пойдем ко мне, я тебя хоть чаю напою. Ведь с Федосью-юшкой-то, матушкой твоей мы самыми, что ни на есть, закадычными подружками были. Пойдем, пойдем! А потом я и на могилку ее тебя отведу.

– Спасибо, тетя Маша. – Сергей под-

нялся вслед за ней на скрипучее крыльцо и через минуту уже сидел на полу-развалившейся табуретке в более чем скромной комнатушке своей бывшей соседки, а она, суетливо собирая на стол, не переставала сетовать на свою судьбу:

— Вот и я совсем одна осталась. Умру и похоронить некому будет.

Да и вся жизнь моя... Ведь даже угостить тебя нечем.

— Ну, об этом вы не беспокойтесь, тетя Маша, — поспешил ответить Сергей, расстегивая сумку. — Я же не с пустыми руками приехал. Тут вот и колбаса, и сыр, и фрукты. А это... — он вынул со дна сумки добротную шерстяную кофту и пуховой платок. — Это я в подарок маме вез. Но уж коль так случилось, то возьмите это себе, тетя Маша.

— Ну, что ты, сынок!

— Возьмите, возьмите! Куда я теперь со всем этим...

— А и впрямь, куда ты теперь направишься?

— Да вроде бы и некуда. Кому я теперь нужен!

— Тогда слушай, оставайся у меня. Места тебе здесь хватит. А там, глядишь, и какую ни то работу себе присмотришь.

— А что, и вправду, — оживился Сергей. — Не знаю, как и благодарить вас, тетя Маша. Недаром говорят: «Мир не без добрых людей». Так и быть, поживу у вас месяца полтора-два.

— Почему месяца полтора-два? Живи, сколько Бог пошлет. Я только рада буду. Ведь Федосьюшка-то столько помогала мне. Да и ты вроде парень с доброй душой.

Так вот получилось, что Сергей снова вернулся в родной поселок Раздольный, чтобы начать жизнь с нуля и без какой бы то ни было перспективы на будущее.

Впрочем, на работу он устроился быстро, хоть и было это всего лишь место грузчика на складе химудобрений. Да на большее он и не рассчитывал. Главное, он снова был свободным,

мог, как прежде, бродить в нерабочее время по полям и перелескам, смотреть на бегущие по небу облака, вдыхать аромат луговых трав и даже писать обо всем этом, отгородившись от всего мира в комнатушке сердобольной бабы Маши.

Правда, писал он и прежде. Стремление к описанию на бумаге красот природы жило в нем всегда. Еще в далеком детстве, едва научившись грамоте, он иногда часами просиживал над клочком бумаги, стараясь выразить словами то, что видел вокруг себя. Но тогда это не выходило за рамки картин природы. Теперь же, когда он замкнулся в здешнем глухом захолустье, это стремление стало почти непреодолимой необходимостью, своего рода смыслом его жизни, а наряду с образами лесов, полей и рек в его рукописях начали появляться и образы людей, преимущественно образы женщин, причем прототипами почти всех их оказывалась женщина, которую он совсем не знал, с которой пробыл не больше часа, с которой даже простился далеко не лучшим образом. Но в воображении Сергея она стала воплощением ума, добра и красоты. Ее образ занял прочное место во всем, что он писал и переписывал: это ее руки разводили ветви цветущей черемухи, ее ноги мелькали в волнах луговых трав, ее глаза блестели среди звезд на ночном небе. С ней он разговаривал, спорил, делился своими мыслями. Ее встречал и провожал на пороге своего жилища. Она дарила ему свою любовь. Даже имя ее было всегда одним и тем же — Ольга.

Да, она жила во всех произведениях Сергея. Как, впрочем, и он сам. Он тоже жил теперь только в том мире, о котором писал. И не мыслил уже никакой другой жизни.

Однако судьба и не думала оставлять его в покое. Не прошло и полгода, как баба Маша сильно занемогла и в одну из грозовых ночей тихо, не издав ни единого звука, ушла из жизни.

Он похоронил ее по всем правилам православного обряда, рядом с моги-

лой своей матери и готов был уже, как положено, пригласить всех ее товарок на поминки в девятый день ее кончины, как вдруг к нему пожаловал сам директор совхоза и потребовал, чтобы он немедленно, в трехдневный срок освободил «незаконно занимаемую жилплощадь». Пришлось подчиниться и перебраться в пустующую сараюшку при складе, где он работал.

Но и это еще было не все. Уже на следующий день его вызвали к воротам склада двое бритоголовых юнцов, и один из них, попыхивая сигаретой и сверля Сергея пронизывающим взглядом, изрек:

— Слушай, парень, мы слышали от твоей бывшей хозяйки, что ты только что с зоны. Такие нам нужны. Приходи завтра вечером, часов так в семь-восьмь, к пахану для базара. Вот адрес, — он сунул Сергею кусок смятой бумажки и многоизначительно добавил. — Да не вздумай нашкодить. Мы тебя из-под земли достанем. Понял?

— Понял.

Да и что тут было не понять! Эти подонки были здесь, в поселке, по-видимому, полновластными хозяевами положения, и оставалось либо сдаться им на милость и идти по указанному адресу, либо... бежать. Бежать немедленно, сегодня же ночью, бежать как можно дальше!

Но куда?

Вспомнился Сергею дальний родственник отца, живший в городе. Но он не знал ни адреса его, ни даже точного имени-отчества.

Однако это был единственный шанс на спасение, и в два часа ночи, собрав свои нехитрые пожитки, Сергей уже шагал по дороге на станцию, чутко прислушиваясь к малейшему шороху за спиной, а к исходу следующего дня вновь колесил по городу, с которым, как ему казалось, уже расстался навсегда.

На этот раз город оказался более милостивым. Никаких родственников он здесь, правда, не нашел, зато сразу увидел объявление, что на местный оптико-механический завод срочно тре-

буются токари и фрезеровщики. Вот когда пригодилась ему суровая заводская школа военной поры.

На завод его приняли без всяких осложнений. И работа пришлась по душе. А, главное, все его новые товарищи-станочники оказались очень неплохими людьми.

Особенно тесно сошелся он с молодым слесарем-лекалышником Федей Копыловым, который, как оказалось позже, тоже не прочь был побаловаться художественным словом и числился даже внештатным корреспондентом местной газеты. Вот он, Федя Копылов, и попросил Сергея подредактировать написанный им очерк, посвященный юбилею завода.

Сергей рад был помочь другу и не пожалел сил, чтобы отточить каждую фразу рукописи. Каково же было его удивление, когда вскоре после выхода очерка в свет, его пригласили в редакцию газеты и ошарашили неожиданным вопросом:

— Скажите, это действительно вы редактировали очерк Копылова?

— Да, я. А что? — не понял смысла вопроса Сергей.

— А вы не смогли бы отредактировать вот этот материал? — протянули ему объемистую рукопись.

— Попробую. Время у меня есть.

— Вот и отлично.

И снова Сергей вложил в работу все свое умение. А в результате последовало сногшибательное предложение:

— Вот что, уважаемый Сергей Владимирович, нам позарез нужен хороший редактор. Я не спрашиваю, где вы учились и где до этого работали, но то, что вы проделали с этим материалом, выше всяких похвал. Переходите к нам на постоянную работу.

— Хорошо, я подумаю. Но как посмотрит на это администрация завода?

— Не беспокойтесь, с администрацией завода мы все уладим.

Так, совершенно неожиданно для себя, Сергей превратился в профессионального журналиста. А уже через полгода о его статьях, очерках, фельетонах заговорил весь город.

Но самым удивительным было то, что, выходя однажды с планерки у главного редактора, он столкнулся в коридоре лицом к лицу с... Ольгой Павловной Ланиной.

— Сергей Владимирович?! Вот встреча! — опалила она его знакомой обворожительной улыбкой. — Очень, очень рада вас видеть! А вы?

А он?! Ему показалось, что произошло чудо. Что он в один миг переместился в иллюзорный мир своих рукописей. Что все, что было вокруг него, — всего лишь придуманная им сказка.

Но перед ним стоял реальный живой человек. И надо было что-то ответить на его приветствие.

— Я тоже рад вас видеть, — промямлил он. — А вы какими судьбами...

— Я работаю здесь. Уже второй месяц. И много наслышана о ваших успехах. Впрочем, иначе и быть не могло. Вы уже тогда, при нашем первом знакомстве, произвели на меня самое благоприятнейшее впечатление. Но так неожиданно исчезли...

— Да, обстоятельства заставили...

— Но больше вы, надеюсь, не испаритесь так же бесследно, как в прошлый раз. Теперь мы, можно сказать, коллекти. Я принят штатным художником редакции. Правда, рабочего места у меня здесь нет. Я работаю дома. Но вы знаете мой адрес. Так что милости прошу...

— Спасибо, Ольга Павловна. Во всяком случае теперь мы будем видеться. Мой кабинет вам также, наверное, известен.

— Да, конечно. И если вы не против, я уже завтра нагряну к вам. Нам есть о чем поговорить.

— Да, пожалуй...

Но назавтра его вызвал к себе главный редактор и, пряча глаза, проговорил:

— Я очень сожалею, Сергей. Но придется нам с тобой расстаться. Нет, я по-прежнему ценю твой талант и твою работоспособность. Мне страшно даже подумать, что станет с газетой после твоего ухода. Но... Там, наверху, готовы уже волосы на голове рвать от твоей бескомпромиссности и правдолюбия.

Что я могу поделать... Только не думай, что я просто решил от тебя отделаться. Я уже договорился с директором областного книжного издательства. Он завтра же зачислит тебя на должность старшего редактора в редакцию художественной литературы. Согласен?

А что оставалось Сергею делать? Пришлось засесть за чужие рукописи.

Редактор из него получился отличный. Директор издательства готов был молиться на него, выделил ему самый лучший кабинет, добился для него самого высокого оклада, а месяца через два, когда Сергей редактировал рукопись романа одного из известнейших прозаиков города, выпускавшегося в связи с его семидесятилетним юбилеем, зашел к нему в кабинет и доверительно сказал:

— Вы уж посторайтесь, Сергей Владимирович. Книга должна быть, сами понимаете, на уровне. Хорошо оформлена, должным образом иллюстрирована. Поговорите с художником. Я уже просил ее зайти к вам. Художник она вроде неплохой, но человек здесь новый, мы лишь недавно ее приняли. А вот, кажется, и она...

Действительно, в дверь осторожно постучались, и в кабинет вошла... Ольга Ланина.

— А-а, Ольга Павловна! — пропустил ее вперед, к столу Сергея, директор. — Вот, познакомьтесь, пожалуйста: наш старший редактор Сергей Владимирович Гнедин. Будете работать вместе. Для начала над этой вот книгой, — кивнул он на разложенные перед Сергеем листы рукописи. — Сергей Владимирович введет вас в курс дела, а я, простите, побегу, там люди ждут.

Директор поспешил вышел. А Сергей не знал даже, что сказать, пораженный столь неожиданной встречей. И только Ольга как ни в чем не бывало протянула Сергею обе руки, сияя неизменной обворожительной улыбкой:

— Здравствуйте, Сергей Владимирович. Недаром говорят: гора с горой не сходится, а человек с человеком...

- Да, прямо как в сказке...
- Но я рада такой сказке. А вы?
- Я тоже рад вас видеть, – коротко отозвался Сергей, хотя все в нем так и рванулось ей навстречу, подобно огненному фейерверку, взметнувшемуся в небо, и только невероятным усилием воли смог он вернуть себя в прежнюю колею и сказать почти ровным голосом:
- Присаживайтесь, Ольга Павловна. Вы, значит, новый художник издательства?
- Да, теперь так.
- А как же газета?
- С газетой я рассталась, поняла, что это не моя стихия: слишком все там сухо, не романтично. То ли дело – художественная литература! Здесь я скорее смогу самовыразиться. Ну, а то, что я снова встретила вас... Скажите, вы верите в судьбу?
- Я как-то не задумывался об этом...
- Я тоже не задумывалась. Но когда неожиданно увидела вас в своем доме, потом встретилась в газете и вот теперь снова... Тут уж не хочешь да поверишь. Но все это я так, между прочим... Перейдем к делу. Так что за работа мне предстоит?
- Вам предстоит оформить и иллюстрировать вот эту книгу, – окончательно взял себя в руки Сергей. – Я просмотрел рукопись. Вещь стоящая. И автор – человек известный. Так что...
- Понятно. Я постараюсь. Вы дадите мне рукопись?
- Да, вот этот экземпляр я приготовил специально для вас. Почитайте, подумайте, потом посоветуемся. Сколько времени вам понадобится на ознакомление с материалом? Рукопись большая.

Она прикинула папку на вес:

- Ну... Дня три-четыре.
- Хорошо. Дня через четыре я вас жду. До свидания, Ольга Павловна.
- Счастливо оставаться, – она поднялась со стула и направилась к двери. Не оглядываясь, не произнося больше ни слова. А он не мог отвести глаз от ее стройной, будто летящей фигуры, столь необычной в этих казенных

стенах, заставленных стеллажами с папками и ворохами бумаг.

Но дверь закрылась, и он снова остался наедине с чужими рукописями и собственными думами, полными глухой безысходной тоски.

В самом деле, что он видит в жизни, кроме чужих рукописей и этого залившего чернилами стола? А Ольга... Она как была, так и осталась миражом в пустыне. Уж лучше бы она не появлялась здесь, оставалась только в его воображении. А теперь...

Теперь он только и делал, что пересчитывал дни, оставшиеся до встречи с нею, хотя и не очень надеялся, что она состоится. Слишком часто обманывала его жизнь.

Однако она пришла. Пришла в точно оговоренный срок. И принесла не только совершенно готовый, безукоризненно оформленный макет будущей книги, но и целую дюжину прекрасных рисунков, как нельзя лучше отражающих замысел произведения. А ее суждения о языке рукописи, построении сюжета, образах героев романа были столь оригинальны и метки, что он просто не мог не проникнуться уважением к этой во всех отношениях незаурядной женщине.

Но она снова ушла, исчезла на несколько дней. И снова он считал и пересчитывал дни, оставшиеся до встречи с нею, стараясь работой заглушить непроходящую тоску. Так было и на следующей неделе и в следующем месяце. А ведь она явно симпатизировала ему и не скрывала этого. Но и только! Словно какая-то стена стояла между ними, не позволяя ни ему, ни ей сдвинуть хоть шаг к сближению.

Впрочем, он догадывался, что могло быть тому причиной. Дело было скорее всего в его проклятом прошлом и том письме, которое вручил ему сержант-конвой для передачи Петру Ильичу. Ведь для Ольги он по-прежнему оставался Сергеем Гнединым, братом ее покойного мужа, долгое время работавшим «где-то в тайге», на каком-то «сверхсекретном объекте» и не поже-

лавшим почему-то поведать о некоей истории, связанной с этим письмом.

Но разве мог он рассказать ей, что тогда произошло, признаться, что он даже не Сергей Гнедин, а письмо было вручено вовсе не ему. Одно время он решил вообще ничего ей не рассказывать, посчитав, что она уж и забыла о письме, тем более, что лично ее оно совершенно не касалось.

Но однажды вечером, возвращаясь с совещания у главного редактора, Ольга неожиданно завела разговор об их первой встрече и как бы между прочим заметила:

— Помните, вы тогда еще собирались рассказать мне какую-то историю о том, где и как затерялось письмо, адресованное Петру.

Опять это письмо! Больше всего не хотелось Сергею ворошить события того далекого прошлого, но делать было нечего.

— Да, — сказал он, чуть помедлив, — я хотел рассказать о том, почему у меня не оказалось тогда с собой письма, и почему мне пришлось спрятать его по дальше от людских глаз.

— Значит, вы спрятали его? И так и не удосужились удостовериться, сохранилось ли оно там?

— «Там» — это в Восточной Сибири.
— В Сибири?!

— Да, именно в Сибири, точнее, при отъезде оттуда мне пришлось пережить очень неприятную историю, связанную с этим письмом. Но мне не хотелось бы и сейчас возвращаться к ней.

— Ну так и не надо, — поспешила согласиться Ольга.

Но он видел, чувствовал, что это было сказано, чтобы только не показаться навязчивой, что эта недоговоренность так и будет стоять между ними.

Так прошла зима, наступило лето, пришло время подумать о летних отпусках. Ольга не раз заводила об этом разговор, прямо намекая, что было бы неплохо провести им отпуск вместе. Но когда Сергей предложил ей поехать куда-нибудь по туристической путевке, она вдруг вспомнила о своей поездке в

Италию, которую ей устроил Петр за счет института атомной физики и в связи с этим опять-таки вернулась к злополучному письму, сказав, что как-то на днях встретилась с одним сотрудником института, неким Романом Шнайдером, и тот посетовал на то, что там, в институте, так и не дождались каких-то материалов, которые, по словам Петра, должен был доставить ему он, Сергей. А материалы эти прямо-таки позарез нужны им, коллегам Петра, для научно-исследовательской работы.

Это было уже нечто большее, чем простое женское любопытство. И Сергей решил дальше не таиться и рассказал Ольге незамысловатую байку о том, как его, еще студента-пятикурсника призвали в армию, во внутренние войска и направили на службу в охрану одного из таежных сверхсекретных лагерей, где он лишь чудом остался жив, конвоируя в момент произошедшего там взрыва одного из заключенных, посланного в лес за дровами. При этом пришлось поменять и роли действующих лиц, сказать, что погиб якобы не он, а конвоируемый им заключенный. И что это его похоронил он над таежным ручьем, спрятав на могиле письмо, которое вручил ему один физик-атомщик для передачи Петру.

— Но почему вы спрятали письмо, не захватили с собой? — перебила его Ольга.

— Дело в том, что я не знал содержания письма. Но у меня были все основания предполагать, что в нем содержатся какие-то секретные сведения о проводимых в лагере работах, и я очень боялся, что при выходе из зоны взрыва у меня обнаружат это письмо со всеми вытекающими отсюда последствиями.

— Боялись, что вас арестуют?

— Это еще в лучшем случае.

— Понятно. Ну, а дальше?

— Дальше... Вскоре меня перевели в другую часть, где я узнал, что от лагеря, в охране которого я служил, не осталось и следа. Потом расформировали и эту часть, и я был демобилизован.

ван, как говорится, вчистую. Однако это было так далеко от места моей первой службы, что о возвращении за спрятанным письмом не могло быть и речи.

— Но вы все-таки пришли к Петру, — возразила Ольга. — Что вы хотели сказать ему обо всем этом?

— Я считал своим долгом уведомить его о письме, рассказать, где оно находится, и предложить свои услуги в поездке к месту, где я похоронил зека, если Петр Ильич скажет, что письмо ему в самом деле крайне необходимо и он сочтет нужным предпринять нечто вроде поисковой экспедиции за этим письмом. Но, к сожалению, теперь это потеряло всякий смысл.

— Петра действительно уже не воскресить. Но письмом этим, как я уже сказала, до сих пор интересуются его коллеги по институту. Только цело ли оно? Вы уверены, что письмо до сих пор сохранилось, не сгнило, не размокло?

— Нет, это почти исключено. Письмо было тщательнейшим образом упаковано в целлофан.

— Вот как! Жаль, что Петр не дожил до вашего приезда. Он обязательно поехал бы с вами в тайгу. Для него действительно не составило бы труда организовать что-то вроде поисковой экспедиции в те края, но увы... А скажите еще, Сергей Владимирович, почему вы в тот день так стремительно ушли от меня? Я ведь хотела показать вам труды Петра, поговорить с вами о его работе.

Сергей замялся:

— Почему я так быстро ушел? А вы помните, что перед этим я попросил у вас разрешения позвонить по телефону?

— Да, припоминаю.

— Так это был звонок женщине, которая когда-то обещала стать моей женой.

— Ну и?..

— Ну и она не стала даже разговаривать со мной, уведомила лишь, что давно вышла замуж.

— И что же вы?

— А что я мог сказать или сделать? Пришлось уехать на родину, где оставалась старушка-мать. Но и ее я не застал в живых. Благо меня приютила наша бывшая соседка тетя Маша. Там я устроился и на работу, грузчиком на склад химудобрений. Но через полгода тетя Маша умерла, и меня вытряхнули из ее халупы. Ликвидировали и мою должность на складе. Потом был завод, газета и наконец — наше издательство. Но это все уже на ваших глазах.

— Да, это я уже знаю. А за то, что вы рассказали мне сейчас — спасибо. Я так и думала, что жизнь у вас была не сахар.

Глава седьмая

Высказав, наконец, Ольге все, что было связано с письмом сержанта, Сергей словно ношу сбросил с плеч. Теперь можно было подумать и об отпуске. От одной мысли провести его вместе с Ольгой он буквально пьянял, как от крепкого вина. В самом деле, почему бы не поехать им, скажем, в Крым, к морю, или на Кавказ, в знаменитую Цейскую долину, о которой он вычитал в одной из редактируемых им книг.

Но когда он сказал об этом Ольге, та лишь пожала плечами:

— В Крым или на Кавказ... А почему бы не на мою родину, в Сибирь?

— Так вы родились в Сибири? Да, кстати, вы бы рассказали мне тоже немного о своем житье-бытье.

— Ой, мне и рассказывать нечего. Родилась я действительно в Сибири. С детства пристрастилась к рисованию. Приехала сюда, к родной тетке, чтобы поступить в художественное училище. Поступила, закончила, получила аттестат. Встретилась с Петром. Но не успела даже стать его законной женой. По доброте своей он подарил мне путевку в Италию. Я была на седьмом небе от счастья. А когда вернулась оттуда... Дальше вы все знаете. Теперь, как видите, я одна-одинешенька. Ни мужа, ни семьи. Одна работа. Да еще мечта: встретить такого человека, как вы.

— Но вы меня совсем не знаете.
— Теперь знаю.
— Ну, это, как сказать... А кстати, где в Сибири ваша родина? Сибирь большая.
— В Красноярском крае. Есть там в самой северной части его речка Быстринка, вот на ней...
— Что?! Как вы сказали: речка Быстринка?!

— Да. А вы что, слышали о ней?

— Слышал ли я о Быстринке! Да ведь именно на ней, этой северной речушке, произошло все то, о чем я рассказал вам.

— Что вы говорите! Да, теперь я вспомнила, как наши бабы болтали, что где-то неподалеку от нас, чуть выше по течению реки, был лагерь политзаключенных, но могла ли подумать, что в этом лагере...

— Служит охранником ваш будущий коллега.

— Да,— кивнула Ольга.

— Но я там не только заключенных охранял, но и... Так и быть уж, открою вам еще один секрет. Я ведь как-то говорил вам, что по образованию я геолог, хоть и недоучившийся. Так вот, конвоируя однажды зека-водовоза на берег реки, я увидел в небольшой рыхтви-не блестящий камень. Достаточно было одного беглого взгляда, чтобы определить, что это сфалерит, главная руда на цинк. А еще через минуту я понял и откуда он выкатился. Чуть выше по склону лежал огромный, вывороченный с корнем кедр. И вот в яме, откуда были вырваны полусгнившие корни гигантского дерева, поблескивала свежеобнаженная кварцевая жила с бесчисленными вкраплениями рудных минералов, среди которых, кроме сфалерита, виднелись идеально ограненные кристаллы свинецсодержащего галенита и даже вкрапления самородного серебра. Такого фантастического богатства я не видел ни в одном минералогическом музее.

Но долго любоваться на него мне не удалось. И только через несколько дней я смог снова вырваться на свой

«прииск». Однако смотреть там было уже не на что. Упавший кедр успели вывезти, а весь склон был сплошь испещрен следами трелевочных тракторов. Единственное, на чем остановился мой взгляд, это большой перекат в русле реки. Скорее всего, как я понял позднее, он и был обязан кварцевой жиле, продолжение которой на берегу вскрыло упавшее дерево, обнажив упрятанное в ней богатство.

С тех пор прошел уже не один год, а вот нет-нет, да и всплывает в памяти феерическая картина того природного клада и потянет в те сибирские дебри, чтобы еще хоть разочек взглянуть на эту картину. А вы спрашиваете, слышал ли я о Быстринке! Так это, значит, ваша родина?

— Да, там, в деревне Заречной я и родилась.

— Слышал я и о Заречной. И не только слышал, но волею судьбы и погостили там с неделю у одной старушки.

— Как это?— удивились Ольга.

— Так ведь в тайге по службе чего только не бывает. Случилось так, что и я однажды чуть Богу душу не отдал. Да вызволили меня из беды две добрые жительницы Заречной. А кто у вас там остался? Отец, мать?

— Отец умер еще пять лет тому назад. Мать по-прежнему живет в Заречной. Все зовет навестить ее, а мне никак не собраться. Вот разве в нынешний отпуск... Сергей Владимирович, а может быть, и вы поехали бы со мной? Навестили свой «прииск», попробовали найти оставленное там письмо, да и просто отдохнули бы на лоне дикой природы.

Сергей задумался:

— Поехать с вами в Заречную?

— А почему бы и нет, — оживилась Ольга. — В избе у нас места хватит. Организуете там нечто вроде базы. И подниметесь раз-другой вверх по Быстринке. Покопаетесь в ваших рудах. Разыщете записи. А потом... Помните, вы как-то сказали, что не прочь были бы написать книгу, да не знаете, о чем писать. Там вы наберете столько инте-

речнейшего материала, что его хватит на десяток книг. Что стоит только уникальнейший материал, заключенный в спрятанном вами письме. Он один наверняка потянет на такой сюжет, какой ни один фантаст не придумает.

— Гм... Может быть, вы и правы. Вы все так убедительно расписали... Действительно, в лагере-то теперь ничего не осталось. И охраны никакой. Можно свободно обшарить все окрестности. Только вот... Удобно ли будет, что к вашей матушке вдруг заявится совершенно незнакомый человек?

— Это вы-то незнакомый! Да я в своих письмах ей все уши о вас прожужжала. Она встретит вас как родного.

— Ну, если так, то я подумаю.

— Опять «подумаю»! Едемте! Едемте, Сергей Владимирович!

— Хорошо, дня через два я дам вам окончательный ответ, — сказал Сергей. Но сказал скорее, чтобы только соблюсти мало-мальски приличествующий этикет, поскольку в душе уже решил поехать с Ольгой. А тут прибавился еще один аргумент. Буквально на другой день после этого разговора Сергей получил приглашение на презентацию одной из отредактированных им книг. Вообще-то он не очень любил бывать на такого рода мероприятиях. Но на этот раз автором книги был большой учёный, сотрудник института атомной физики, и Сергей не счел возможным отказаться от приглашения.

Презентация состоялась в одном из известных ресторанов города при стечении огромной массы гостей, главным образом работников института, и часа через полтора Сергей собирался уже покинуть это собрание малознакомых ему людей, когда к нему неожиданно подсел уже немолодой представительный мужчина и положил перед ним свою визитную карточку:

— Сергей Владимирович Гнедин? — проговорил он, протягивая Сергею руку.

— Редактор чествуемого сегодня шедевра?

— Да, — коротко ответил Сергей.

— А я, как видите, — указал он на

свою визитку, — Роман Иосифович Шнайдер, научный сотрудник института и большой друг автора книги. Рад с вами познакомиться. Дело в том, что я тоже немного пописываю. Но дело не в этом. В свое время я был очень близко знаком с Петром Ильичем Гнединым, вашим братом, и он не раз говорил со мной о вас и вашей работе в Сибири. В своих письмах вы по известным причинам мало что могли писать об этом. Но Петр мог читать, как говорится, и между строк и надеялся, что рано или поздно вы найдете возможность как-то сообщить ему детали по интересующим его вопросам. Тем более что сведения эти могли бы быть полезными и его коллегам по атомной физике. А незадолго до своей гибели он прямо сказал мне, что ждет письма от одного своего коллеги, которое сможете передать ему только вы. Что вы на это скажете?

Сергей невольно пожал плечами.

— Нет, я, конечно, не смею ни о чем вас просить, — спохватился Шнайдер. — И если у вас есть какие-то причины не говорить об этом, то вы имеете полное право так и сделать. Но будет страшно жалко, что останутся неиспользованными какие-то очень важные открытия, уже сделанные учеными-физиками. А там, откуда вы прибыли, насколько я знаю, сосредоточен огромный научный потенциал в лице известных физиков, в частности и выходцев из нашего института.

Шнайдер выжидающе посмотрел на Сергея.

Застигнутый врасплох столь неожиданным оборотом разговора, Сергей с минуту помолчал, но затем, видя, что вокруг собрались действительно в основном заслуживающие уважения учёные, а сам Шнайдер производит впечатление вполне респектабельного человека, решил не кривить душой:

— Да, у меня было такое письмо. Но я должен был передать его только лично Петру Ильичу.

— Я понимаю вас. Но Петра уже нет в живых. Письмо же, как я сказал, мо-

жет представлять огромную научную ценность

— Возможно. Но Петр Ильич не просто умер, его убили. И выкрали его научный архив.

— К сожалению, да.

— Так можно ли гарантировать, что то же самое не произойдет и с письмом?

— Вы хотите сказать...

— Да, я хочу сказать, что и вы можете разделить участь Петра Ильича, если я передам вам это письмо.

— Ну, письмо сразу же станет достоянием большого круга ученых института. Они ждут не дождутся возможности познакомиться с его содержанием.

— К сожалению, письма этого сейчас у меня нет. Обстоятельства сложились так, что оно осталось там, в Сибири.

— Вы оставили его у кого-то из тамошних жителей?

— Нет, я его просто спрятал. В тайге. В надежном месте. Но за много тысяч километров отсюда.

— Какой ужас! Но, может быть, вы могли бы еще съездить туда, разыскать эту реликвию? Я понимаю, что это не так просто. Но все расходы мы бы возместили вам.

— Может быть, я и воспользуюсь вашим советом. Но не сегодня и не завтра.

Надеюсь, что мы будем теперь по крайней мере перезваниваться.

— Да, конечно. Еще один вопрос: как вы вышли на меня?

— Помог случай. На днях я встретился с бывшей женой Петра Ильича Ольгой Павловной, и она сказала мне, что вы работаете в областном книжном издательстве. А тут кстати эта презентация... Так я жду вашего звонка.

— Да, мы еще поговорим.

Домой Сергей вернулся со смешанными чувствами. С одной стороны, было нечто вроде необъяснимой тревоги. В последнее время он привык к мысли, что все, что было связано с его прошлым, кануло в Лету. А тут вдруг оказалось, что это может иметь вполне реальное продолжение с самыми не-

предсказуемыми последствиями. С другой стороны, кольнула мысль, что он так и не выполнил обещание, данное сержанту, не довел до сведения коллег его брата содержание какого-то очень важного документа, о котором, оказывается, знала масса весьма почтенных людей. Наконец, где-то в самой глубине души мелькнула и честолюбивая мыслишка, что он может запросто потерять право первооткрывателя действительно уникального месторождения ценных руд.

Разрешить весь этот клубок противоречивых чувств можно было лишь поехав на место бывшего лагеря и по пробовав отыскать как письмо сержанта, так и свой «прииск». И в этом свете предложение Ольги можно было считать поистине перстом судьбы. Поэтому уже на другой день, прия в издательство и встретив Ольгу, он сказал ей без всяких предисловий:

— Я еду с вами, Ольга Павловна.

И надо было видеть, как вспыхнуло ее лицо и какой радостью осветились глаза.

— Спасибо, Сергей Владимирович, — только и промолвила она в ответ, схватив его за руки и скав их в своих горячих ладонях.

— И когда же мы едем? — спросил он, стараясь не выдавать охватившего его волнения.

— Я — в любое время. А вы, очевидно, как только оформите отпуск.

— В таком случае я сегодня же подаю заявление.

— А я шлю телеграмму матери.

Глава восьмая

Так вот сложилось, что в первых числах июля на тихую уличку глухой сибирской деревеньки въехала одинокая подвода, и с нее сошли два городских, явно нездешних человека. То были Сергей и Ольга.

— Вот здесь и прошло мое детство, Сергей Владимирович, — махнула Ольга рукой в сторону старой покосившей-

ся хатенки, будто присевшей в тени огромной развесистой ели.

— И с тех пор тут, похоже, ничего не изменилось, — отозвался Сергей.

— Абсолютно ничего. Разве только елка, моя ровесница, заметно подросла да домишко совсем ушел в землю.

— Да, время неумолимо. Вот и я... — начал было Сергей, но в это время дверь хаты распахнулась, и на крыльце выскочила маленькая женщина одетая во все темное:

— Господи, доченька моя! Наконец-то! — Вскричала она, бросаясь к Ольге и размазывая по щекам слезы. — А я уж и не чаяла... Радость-то какая! А это?.. — бросила она вопросительный взгляд на Сергея и вдруг всплеснула руками.

— Батюшки-светы! Святые угодники! Да

это никак Сергунька...

— Я самый, тетя Феня, — улыбнулся

Сергей.

— Сергунька?! — удивилась Ольга, обращаясь в недоумении к матери.

— Вы что, знакомы?

— Знакомы... Да я его как сына родного выходила. И он мне столько всего сделал! А ты, стало быть, о нем писала, что вы и работаете вместе и души друг в друге не чаете?

— Все так, тетя Феня, — ответил за Ольгу Сергей.

— А теперь к нам в гости, стало быть? Вот уважил! — не переставала ахать Федосья.

— Сергей Владимирович по делам сюда приехал, — перебила ее Ольга, — так ты устрой его на недельку-другую в боковушке.

— Все сделаю в самом лучшем виде. А сейчас пожалуйте в хату, к столу.

— Идем-идем, тетя Феня, — отозвался Сергей, пропуская Ольгу вперед.

— Господь милостивый, услышал меня грешную, сподобил увидеть мою ненаглядную и Сергуньку вот тоже, — без конца причитала она, усаживая их за стол и выставляя все новые и новые нехитрые угощения.

Тут же, на лавке, попыхивал паром начищенный до блеска самовар, из дальнего угла избы, от свежепобелен-

ной русской печи, доносился аппетитнейший запах допекавшихся пирогов, возле нее высилась корзина, полная огурцов, лука, петрушек, и объемистая бутыль то ли домашней настойки, то ли бражки. А среди этого исконно русского благолепия, за столом, уставленным бесчисленными тарелками и тарелочками со всевозможными яствами, — Ольга. Как воплощение всего самого совершенного, что могла создать природа. Так, по крайней мере, казалось Сергею.

Впрочем, сама она выглядела сегодня непривычно сдержанной и смущенной, словно стесняясь более чем скромной обстановки, в которой вынуждена была встретить гостя. Сергей же, наоборот, чувствовал себя превосходно, как юный отрок, вернувшийся в раннее детство, пронизанное таким же теплом и уютом, какой исходил сейчас от всего, что окружало его в хатке и чего он был лишен в течение всей своей жизни. Поэтому ему просто не хотелось выходить из-за стола. Он готов был сидеть здесь, слушая бесконечные разговоры словоохотливой хозяйки и чувствуя себя свободным от всяких забот, хоть до самого утра. Не последнюю роль сыграла тут, по-видимому, и настойка из боярышника и пьянящая близость сидящей рядом с ним очаровательной женщины, малейшее прикоснение к которой пронзило его, как мощнейший разряд тока. Словом, это было впервые, когда он мог повторить изречение Гете: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!»

Но всему бывает конец. И пришло время, когда хозяйка встала из-за стола, сказав, что ей пора пройти в боковушку, приготовить постель Сергею, а Ольга пригласила его пройтись полюбоваться вечерней зарей.

Это было тоже замечательно. Но оказалось, что они в самом деле засиделись за столом. Солнце уже зашло, в небе замелькали первые звездочки, густые сумерки опустились на землю. И в этом тоже была своя прелесть. А впереди — еще целая ночь. И какая ночь!

Да еще рядом с самым дорогим человеком!

— Может, спустимся к реке? — тихо промолвила Ольга.

— С вами — куда угодно.

— Тогда следуйте за мной. Только смотрите под ноги, здесь тротуаров нет.

— Вы забываете, что мне довелось побывать и в геологических экспедициях, — усмехнулся Сергей.

— Ах, да... Значит, пошли.

Они вышли через заднюю калитку со двора, прошли через весь огород, миновали небольшую луговину со свежескошенной травой и начали спускаться по береговому склону. Он оказался довольно крутым и Сергей легонько придержал свою спутницу за локоток.

— А это тоже из вашей геологической практики? — рассмеялась Ольга и, вырвав руку, сбежала к реке.

Здесь было уже совсем темно. Воды было почти не видно. Лишь еле слышные всплески ее выдавали течение речных струй да еле ощутимый ветерок, наполненный речной влагой, освежал лицо и грудь.

С минуту они не говорили ни слова, вслушиваясь в ночную тишину, затем Ольга спросила, слегка тронув его за плечо:

— Ну как, понравилось вам у нас?

— Очень!

— И вы не раскаиваетесь, что поехали со мной?

— Что вы, Оля! — впервые назвал он ее просто по имени. — Ничего подобного я не испытывал ни разу в жизни.

— А пойти к бывшему лагерю и своему прииску не раздумали?

— Я своих планов не меняю.

— Но как вы мыслите этот ваш поход? Сколько времени он займет? Как и где вы собираетесь ночевать, что будете есть, пить?

— Ну, всего заранее не предусмотришь. Думаю, что за два-три дня я доберусь до переката, дня четыре пробуду там и еще два-три дня — на обратный путь. Так что через неделю с небольшим надеюсь снова быть здесь.

Что же касается еды, то ваша матушка уже сейчас предложила мне всего столько, что за месяц не съешь. Да я и сам... Возьму с собой ружье, рыболовную снасть. А рыбы в вашей реке, наверное, навалом, как и зверя-птицы в тайге, так что...

— Ну, это, конечно, так. А если дождь, непогода?

— Пустяки! Я взял с собой небольшую палатку, легкую, как пух. Она от дождя и комарья спасет.

— Да, вы, я вижу, все предусмотрели. И все-таки... Вам не кажется, что лучше было бы совершить такое путешествие с кем-нибудь вдвоем?

— С кем же? Я здесь никого не знаю. Да и не с моими финансовыми ресурсами нанимать проводника.

— Я говорю не о проводнике. Я имею в виду просто товарища, друга, наконец хорошего знакомого.

— Но вы же знаете, что у меня и там, в городе, не было близких друзей.

— Как не было, а... я?

— Вы мне не просто друг, Оля. Но разве вы смогли бы пойти в столь длительный поход в тайгу?

— А почему бы нет?

— Вы шутите, Оленька! Это же не прогулка по загородному парку.

— Вы забыли, что я родилась здесь. Здесь прошли мое детство и юность.

— Да. Но теперь-то вы — избалованная цивилизацией городская жительница.

— Вы так думаете? Ну да ладно, мы еще поговорим об этом. А сейчас скажите, когда вы собираетесь выйти туда?

— Завтра и выберусь по холодку. Благо погода, кажется, устоялась.

— Завтра?! — не смогла скрыть своего удивления Ольга.

— А что?

— Я полагала, вы хоть с недельку побудете просто у меня в гостях.

— Так я уйду всего на неделю, а потом собираюсь погостить у вас до конца отпуска, если вы ничего не имеете против, лучшего отдыха я и не мыслю.

— Ладно, пусть будет так. Но в таком случае пора и на боковую, — сказала Ольга.

ла, как отрезала, Ольга и направилась к дому.

Весь обратный путь они не проронили ни слова. И только на пороге боковушки она легонько сжала его руку и тихо произнесла:

— Я, кажется, немного погорячилась, но вы подумайте еще над тем, что я сказала.

Однако над чем тут было думать? Поход в тайгу, может быть, действительно был бы для Ольги по силам. Но ведь он шел не просто на какую-то заброшенную делянку. Его ждал лагерь, где произошел страшнейший, возможно, ядерный взрыв, и вопрос еще, не осталось ли там какой-нибудь охраны или опасных для жизни заграждений. Могли рисковать здоровьем так дорогого ему человека? Нет и еще раз нет! Надо во что бы то ни стало отговорить ее от столь опасного путешествия.

С тем он и заснул. А встав поутру, сразу начал готовиться к походу. Впрочем, большой подготовки ему и не требовалось: все, что надо, было приготовлено и уложено еще в городе. Оставалось проститься с Ольгой. А она не заставила себя долго ждать.

— Доброе утро, Сергей Владимирович, — улыбнулась она ему, окидывая взглядом припасенные вещи. — О, да вы совсем собрались. Желаю вам счастливого пути. И не буду даже больше настаивать, чтобы вы взяли меня с собой. Знаю, что мне вас не переспорить. Попрошу только об одном: позвольте проводить вас до... Ну, хотя бы до вашего первого привала. А там посмотрим...

— До первого привала? Ну, что же, если вам так хочется снова почувствовать запах тайги, пройдем начало пути вместе.

— Ой, спасибо! Спасибо, Сергей Владимирович! — она схватила его за руки и закружила по избе.

«Боже, да она еще совсем девочка! — мелькнуло у него в голове. — Как еще нужно беречь ее. Но и не выполнить ее желания...»

— Да, выйдем из дома вместе, — по-

вторил он, — и пройдем немного вдвоем. Но не дальше первого привала!

— Хорошо-хорошо. Только дайте мне денек на сборы. А завтра по утру и отправимся. Мама-а, — крикнула она, приоткрыв дверь, — готовь чай, мы идем завтракать. И кстати, — снова обернулась она к Сергею, — я познакомлю вас сегодня с одним интересным старичком, и он вам такое расскажет! Вы говорите, лагерь, где вы служили, был возле переката?

— Да, я еще подумал, что это квартцевая жила вздыбилась там, средь реки.

— Вот об этом перекате и пойдет речь. Они с братом в молодости охотились там, и однажды осенью... Ну да об этом лучше сам дед Игнат расскажет. Он всего за три дома от нас живет. Давайте сейчас позавтракаем и прямо к нему.

На том и порешили. Дед Игнат был дома. Они нашли его сидящим на завалинке у своей избы, где он покуривал неизменную «кошью ножку», отмахиваясь от роящихся над ним мух.

— Здравствуйте, дедушка Игнат, — обратилась к нему Ольга.

— Бывайте здоровы, барышня, — ответил тот, щуря глаза.

— Вы что, не узнаете меня?

— Так ведь слаб стал я глазами-то. Да и память, того, пошаливает.

— А Ольгу Ланину вы не помните?

— Ольгу-то, стрекозу?.. Постой-постой! Неужто это ты и есть?

— Я, дедушка Игнат.

— Подумать только, какой кралей обернулась! Что время-то делает! А это?.. — кивнул он в сторону Сергея. — Его я совсем не помню.

— Он не здешний, дедушка. Это писатель из города. Он книгу о наших краях пишет. И очень хотел бы услышать ту историю, которая приключилась в свое время с Дмитрием, вашим братом.

— Что с Дмитрием-то стряслось? И это для книжки, стало быть? Ну что же, ради такого дела можно и поворошить память. Только сперва пройдемте в избу. Посидим там, покалякаем, вспомним те времена.

— Пойдемте, дедушка. Я, кстати, и бражки с собой захватила и пирогов мать вам прислала.

— Спасибо ей, Федосьюшке. Спасибо и вам, что не забываете нас, старииков, — не переставал приговаривать Игнат, препровождая их в избу и усаживая в передний угол, под божницу.

— А дело было так, — сразу начал он, приложившись к стакану с брагой и свертывая новую «козью ножку». — Той осенью мы с Митрием охотились в Лосиной пади, что возле переката. Там у нас и охотничья избушка была поставлена и ловушки на сохатых вырыты. Все честь по чести. Столь лет мы там промышляли. Чаще всего вдвоем. А в тот сезон случилось так, что пришлось мне оставить его одного. Ну да так не раз бывало: оставались в тайге то он, то я. И никогда не беспокоились друг о друге. С чего бы это! Все наши мужики так охотились. А в этот раз что-то не по себе мне стало. Чем ни займусь — болит душа за Митрия, и на поди! А его все нет и нет. Пришлось пойти к нему самому.

Ну, подхожу я к пади, вижу над крышей дымок вьется. Значит, мекаю, все в порядке. Открываю дверь, смотрю, сидит Митрий у стола, мясо упсывает. И хоть бы голову повернул в мою сторону. Я говорю:

— Здорово, Митюха.

А он оглянулся так, будто нечистую силу увидел, и говорит:

— А ты кто такой будешь?

Я так и обомлел. Словно кипятком меня ошпарило.

— Да ты что, — говорю, — Митрий, с ума сошел? Своих не узнаешь?

— Каких, — говорит, — своих? Я тебя знать не знаю и знать не хочу.

Ну, дальше — больше. Я к нему и так и эдак. А он и от имени своего открещивается, и отца с матерью, дескать, знать не знает, и ни о какой Заречной никогда не слышал. Ну, словом, он не он, да и только. Думаю, проспится, человеком будет. А утром — все тоже самое. Идти со мной домой отка-

зался наотрез. На меня волком смотрит.

Пришлось вернуться ни с чем. А в деревне мне и верят и не верят.

Еле-еле уговорил пять-шесть мужиков, нанял фершала из соседнего села. Пошли мы на падь. А там — шаром покати! Облазили мы всю падь, обошли все окрестности. Нигде ни души. Так и сгинул мой братан. Никто его больше не видел, никто ничего о нем не слышал. А я с тех пор к перекату — ни ногой! И другие мужики тоже. Вот какая история. Хотите верьте старику, хотите нет.

— Ну почему же нет, — возразил Сергей. — Я слышал о подобных случаях и раньше. Что-то нарушило психику вшего брата. Но вот, — что? Скажите, а вы не заметили в тот день чего-то необычного в вашей избушке?

— Да вроде ничего не было. Вот только... Какой-то каменюка висел на шее у Митрия вместо нательного креста и словно светился в темноте.

— Камень, говорите? — оживился Сергей. — И даже светился?! А вы не сможете описать его поподробнее: какой он был формы, цвета?

— Да как вам сказать... Маленький, черный, блестящий, вроде груши незрелой. Митрий-то и раньше, еще мальчишкой, любил навешивать на себя всякие безделушки, потому я и не удивился тогда. А вы думаете...

— Кто знает... Может быть, виной всему был и этот камень. Во всяком случае, спасибо вам за рассказ. До свидания, дедушка Игнат.

— Прощавайте покедова.

— А вы в самом деле, полагаете, что камень мог лишить человека разума? — спросила Ольга, когда они возвращались от деда.

— Думаю, что это не исключено.

— И даже после этого не боитесь пойти к перекату?

— Как раз наоборот, теперь мне еще больше хочется побывать там и разыскать оставленное мною письмо.

— Я так и думала. Мне и самой еще больше захотелось пойти с вами.

- Но мы ведь договорились...
- Да-да. Это я так, к слову.
- Ну, то-то же!

Всю оставшуюся часть дня Сергей помогал тетке Федосье косить траву. А с наступлением темноты они с Ольгой снова бродили по берегу реки, наслаждаясь ночной прохладой и строя планы на будущее, но ни единным словом не возвращаясь к предстоящему походу, хотя в мыслях Сергей был уже там, в бывшем лагере, у переката, куда предстояло выйти завтра поутру.

Глава девятая

И вот это утро наступило. Солнце только что поднялось над кромкой леса и туман над рекой едва начал рассеиваться под напором свежего ветерка, когда, миновав окопицу, они вышли на дорогу и зашагали вдоль по берегу, вспугивая сидящих на ветвях птиц.

Впрочем, назвать эту петляющую меж стволов деревьев и зарослей кустарника прогалину дорогой можно было лишь с большой долей условности. Вся она густо поросла травой, пестрела венчиками цветов и даже шляпками опят и мухоморов.

А часа полтора спустя исчезло и это подобие дороги. Сплошная чаща леса подступила вплотную к реке, заставив их спуститься к самой воде и идти по узкой кромке бечевника. А главное – теперь на них навалилась целая туча всякого рода кровососов, вынудивших их плотнее запахнуть куртки и натянуть противомоскитные сетки. К тому же стало нестерпимо жарко. Пот разъедал кожу, заливал глаза. Где-то к полудню Сергей почувствовал, что теряет последние силы. А каково было его спутнице? Он обернулся к ней:

– Оля, может, вы все-таки вернетесь, до вечера еще далеко, успеете засветло дойти до дома.

- А вы?

– Но мне же надо во что бы то ни стало дойти до переката. Затем я и приехал сюда.

– Дойдете, Сережа, я верю, что дойдете. А я... Мы же вчера договорились, что я провожу вас до первого привала.

– Да. Но тогда вам достанется целый день пути. Одной! По этой таежной глуши.

– Не беспокойтесь, глуши меня не пугает. Вас ждут куда более тяжкие испытания. А сейчас... Давайте чуточку передохнем и – вперед! Благо, вон по небу облачка побежали и вроде ветром повеяло.

Действительно, погода как-то сразу переменилась, жара заметно спала, даже бечевник будто расширился и сделался не таким заросшим. Идти стало значительно легче.

И все-таки с каким удовольствием Сергей сбросил с плеч тяжелый рюкзак и разогнул спину, как только чуть повечерело и на пути их открылась небольшая уютная полянка, полого сбегающая к реке:

– Все! На сегодня хватит! Садитесь, отдыхайте, а я раскину палатку и займусь костром.

– Как это: садитесь, отдыхайте? – возразила Ольга. – Разве для меня не найдется никакого дела?

– Пока нет. Потом начнете кашеварить.

– Тогда знаете что, я пойду ополоснусь немного.

– Вот-вот. Это вы замечательно придумали.

– А вы не составите мне компанию?

– Я – после. А то не собрался бы дождь. Видите, какая туча ползет с запада.

– Чепуха! Но, впрочем, как знаете.

– Ольга скинула с плеч рюкзак и, раздеваясь на ходу, побежала к реке.

Здесь, зайдя за небольшой куст, она быстренько сбросила с себя остатки одежды и, чуть поведя плечами, вошла в воду.

Сергей поспешил отвернуться, чтобы не смущать раздевшуюся Ольгу. Но и одного взгляда было достаточно, чтобы увидеть, сколь божественно красива была фигурка молодой обнаженной

женщины. А ведь впереди была еще целая ночь наедине с ней.

«И как я мог согласиться взять ее с собой», – подосадовал Сергей, ожесточенно орудуя топором. А с реки уже неслись восторженные возгласы Ольги:

– Ой, что за прелесть! Сергей! Сержа! Бросьте все, идите сюда, ко мне!

– После, после, Оля. Сейчас главное – костер. – Он тщательно уложил нарубленные сучья в аккуратную пирамиду и, как только пламя охватило ее со всех сторон, оглашая воздух веселым треском, спустился к журчащему неподалеку ручейку, чтобы набрать воды.

А мысли снова вернулись к купающейся невдалеке Ольге: «Как же все-таки вести себя с ней здесь, вдалеке от всего и всех, в окружении лишь глухого безмолвного леса?» Теперь уже не оставалось ни тени сомнений, что она стала для него не просто бесподобно красивой, безумно желанной женщиной. Он жизни не мог представить без нее. Но если там, в кабинетах издательства, это можно было маскировать чисто деловыми отношениями, то как быть здесь? Имеет ли он право хотя бы намекнуть ей, такой беспредельно доверчивой, такой чистой, по-детски непосредственной натуре на свои, пусть даже самые искренние, самые бескорыстные чувства?

Нет-нет! Пусть все останется так, как было. У нее впереди – целая жизнь. А у него? Разве только вот эта призрачная надежда отыскать свой «прииск» и письмо сержанта. Ну да, может быть, еще более призрачная мечта написать что-то вроде мемуаров о своем неудачном житье-бытье. Так что...

Он пристроил котелки с водой над огнем, засыпал в один из них горстку гречки и принял уже вскрывать банку с тушеною, когда Ольга, заметно по-свежевшая, сияющая безоблачной улыбкой, с капельками воды на лице и шее, подсела к костру и, окинув взглядом попыхивающие паром котелки, весело прощебетала:

– Ну вот, теперь и я готова заняться всем этим, а вы можете пойти поплавать.

– Поплавать никогда не поздно. А сейчас, коль вы в самом деле согласны кашеварить, я лучше займусь палаткой.

– Ну, как знаете...

– Так вечереет уже, а без палатки, сами знаете...

Сергей выбрал место повыше и покровнее и, застлав его лапником лиственницы, распаковал тючок с палаткой. Однако с установкой ее пришлось по-возиться дольше, чем он рассчитывал. И когда был вбит последний кольышек и крылья палатки выгнулись, как тугунатянутые паруса, от костра потянуло уже почти забытым аппетитным запахом гречневой каши с тушеною. Тут только Сергей почувствовал, как он голоден, и готов был уже, как в благословенные дни студенческой практики, наброситься на дымящуюся миску извечного «деликатеса» геологов-полевиков. Однако Ольга шаловливо погрозила ему пальчиком:

– Нет-нет! Уж коль вы сами определили меня на роль главного распорядителя, то... – Она вынула из своего рюкзака чистую белую скатерть и, разостлав ее на траве, принялась раскладывать на ней бесконечные сверточки с пирожками, ватрушками, салатами и тому подобными изделиями домашнего приготовления, а в заключение выставила пузатую бутылку какой-то настойки и, разлив вино по кружкам, торжественно произнесла:

– За успех вашего предприятия, Сергей Владимирович!

– Спасибо, Оленька.

Затем они выпили за здоровье матери Ольги, за все, что казалось им самым дорогим и значимым в жизни, съели всю кашу с тушеною, перепробовали все выставленные Ольгой угощения, вспомнили все смешные и курьезные события, произошедшие за последний год у них в издательстве, поговорили о любимых книгах, воздали должное своим кумирам в мире му-

зыки и живописи. Затем спустились вместе к реке, со смехом и шутками вымыли там посуду, полюбовались никогда не виданным в городе сажисто черным небом, усыпаным ярчайшими звездами и наконец присели у догорящего костра.

Сергей подбросил в него несколько сухих веток, и пламя осветило внезапно погрустневшее лицо Ольги:

— Сергей Владимирович, а вы не передумали отсыпалить меня завтра домой?

— Нет, Оленька. Дальше дорога будет еще труднее. Да и что ждет нас там, у переката? Не стоит рисковать.

— Но вы-то пойдете дальше.

— Мне нельзя иначе. А вам... Вам я просто расскажу обо всем, что найду там. Если найду...

— Ну что же, раз вы так решили, то... ладно. Завтра я покину вас. А теперь...

— А теперь — спать. Забирайтесь в ваш полотняный будуар и располагайтесь там, как дома.

Она отогнула полог палатки и зябко передернула плечами:

— Ой, там так темно, страшно. Лучше сначала вы.

— Что я? Я прекрасно устроюсь и тут, прямо у костра, вспомню молодость.

— Как?! Вы не хотите даже воспользоваться палаткой, решили оставить меня на ночь совсем одну?

— Ну что вы! Как одну? Я же буду рядом, буквально в двух шагах от вас.

— Да, конечно, и все-таки... А если пойдет дождь? — спохватилась она, словно цепляясь за соломинку.

— Едва ли. Да и что дождь? Я и не в таких переделках бывал.

— Поня-я-тно... Только я думала... Мне казалось... — голос Ольги дрогнул, в нем послышались слезы. — Ну да ладно. Доброй ночи вам, Сергей Владимирович.

Эти последние слова донеслись уже из палатки, и была в них непомерная боль.

— Доброй ночи и вам, Оленька, — отозвался Сергей.

«Доброй ночи тебе, мой дорогой бесценный человечек! — мысленно повторил он, не сводя глаз с запахнувшегося полога палатки. — Если бы ты знала, каких сил стоило мне не броситься следом за тобой, не заключить тебя в объятия, не прижать тебя к своей груди! Но разве я могу даже мечтать об этом...»

Ночь он провел почти без сна, лишь время от времени будто проваливаясь в трясину какой-то вязкой полудремоты, а с первыми лучами солнца спустился к реке, чтобы опробовать на деле свои рыболовные принадлежности. Утренний клев превзошел все его ожидания, и уже через час с небольшим он возвратился к костру с огромной связкой рыбы.

Каково же было его изумление, когда он увидел, что у костра сидит Ольга, а в котелке над огнем весело булькает почти сварившаяся каша.

— Доброе утро, Оля, — окликнул он ее. — И что вам не спится в такую рань?

— Так ведь впереди — день пути, и я должна еще засветло вернуться домой.

— А я хотел угостить вас рыбакской ухой.

— Так это я — мигом. Давайте ваш улов.

А через час они расстались. Без лишних слов. Без каких-либо эмоций. Он просто пожал ей руку и пожелал счастливого пути. Она ответила тем же и, не оглядываясь, зашагала вниз по склону. Однако, когда ее хрупкая фигурка скрылась за речной излучиной, сердце его болезненно сжалось и невольный вздох вырвался из груди.

Но его тоже ждала дорога. Поэтому, собрав вещи и тщательно загасив костер, он не мешкая тронулся в путь. Правда, теперь он решил немного изменить распорядок дня: сделать где-то около полудня большую дневку с тем, чтобы как следует передохнуть, переждать самое жаркое время суток, а затем идти без остановки вплоть до наступления полной темноты. При таком раскладе он надеялся уже к концу сле-

дующего дня дойти до заветного переката.

Однако коварная судьба и здесь не оставила его в покое. Стрелки на часах показывали половину первого, когда жара стала совершенно невыносимой, и он ощущал непреодолимое желание отдохнуть. Благо, как раз в это время на пути его оказалась небольшая поляна, сплошь окруженная гигантскими елями. Тень от этих исполинов покрывала добрую половину поляны и, казалось, просто-таки приглашала усталого путника спрятаться здесь от изнурительного зноя. Он, правда, заметил, что сверху, из чащобы, на поляну спускается что-то похожее на лесную тропу, но не придал этому значения, тем более, что на самой поляне трава была совершенно не примята, а в центре ее напоминала даже веселую куртинку свежеподстриженного газона. Словом, лучшего места для дневки трудно было и придумать.

«Уф-ф, наконец-то можно будет перекохнуть! Да и вздремнуть часика полтора-два», – мысленно порадовался Сергей, сворачивая с опостылевшего бечевника на изумрудный ковер поляны и направляясь прямиком к стене могучих елей.

Он начал даже распутывать на ходу бечеву, крепящую на рюкзаке тючок с палаткой, предвкушая, как сбросит с плеч всю эту тяжеленную ношу, но не сделал и десятка шагов, как почувствовал, что земля под ним как-то странно всколыхнулась, ноги потеряли привычное ощущение опоры, а в следующее мгновенье и сам он полетел куда-то вниз, сопровождаемый градом комьев земли и обломков еловых веток.

Впрочем, паденье это закончилось благополучно. Сергей лишь сильно зашиб правый бок да оцарапал локоть руки. Но последствия такого происшествия могли оказаться поистине трагическими. Он это понял сразу, как только поднялся на ноги и огляделся вокруг себя.

Он стоял в яме с отвесными, абсо-

лютно гладкими стенами глубиной в три с половиной – четыре метра, сверху прикрыты еловыми сучьями и тщательно замаскированной пластами дерна. Теперь в этом перекрытии, прямо у него над головой, зияло небольшое отверстие, проделанное им самим, сквозь которое пробивался свет, и от которого тянулись вниз какие-то тонкие белые бечевки. Впрочем, природу этих бечевок он разгадал сразу: то были шнурки палатки, тючок с которой был привязан сверху к его рюкзаку и при падении, видимо, застрял где-то в перекрытии ловушки.

Да, ловушки! Теперь стало ясно и предназначение этой ямы. Тропа, которую он заметил еще при подходе к поляне, была несомненно проделана не людьми, а какими-то зверями, спускавшимся к реке на водопой. А люди, местные охотники, сделали на этой тропе ловушку, да так искусно, что ее не заметил даже он, Сергей.

Но что теперь делать? Как выбраться из этой западни? Он еще раз тщательно осмотрел стены ямы. В них не было ни выступов, ни впадин. Значит, стены ему не помогут. Не было в яме и никаких жердей или кольев. Выходит, путь наверх закрыт.

Что же остается? Ждать, когда люди, сделавшие ловушку, снова вернутся к ней? Но сколько времени он сможет ждать? Еды ему хватило бы надолго. Но воды не было ни капли. А он уже сейчас хотел пить. И жуткий страх, страх безысходности, страх неотвратимой мучительной смерти начал все больше обволакивать его, лишая возможности принять хоть какое-то решение. Да и какое решение можно было бы принять в столь кошмарной обстановке? Только подумать о том, как быстрее и легче уйти из жизни! Из жизни, которая так и не обернулась к нему своей доброй стороной. Единственным светлым пятнышком являлась Ольга. Однако и это, скорее всего, был лишь свет далекой звезды, звезды яркой, манящей, загадочно прекрасной, но словно затерянной где-то

в ледяных глубинах космического пространства. Хотя...

И пред его мысленным взором всплыл, как наяву, образ той, кем, как бы он ни обманывал себя, он только и жил все последнее время, с кем только и были связаны все его мечты и надежды, кто только и мог бы составить смысл его жизни.

— Оля... Милая Олењка... — без конца шептал он. — Где ты сейчас? Как бредется тебе одной, по сути дела покинутой мною, наверняка смертельно уставшей, изнемогающей от зноя и жажды, по этой враждебной глухомани? И все-таки, Боже! как хорошо, что я отправил тебя домой. Ведь иначе вполне могло бы стать так, что мы оба провалились в эту яму, и тогда...

Он содрогнулся от ужаса, представив, что сейчас она так же сидела бы здесь, в этой кошмарной западне, заливаясь слезами и кляня его за то, что он втравил ее в этот бессмысленный поход. Пусть уж он один погибнет здесь, а ей улыбнется счастливая яркая жизнь.

Мысли о Ольги немного отвлекли Сергея от панического осознания своего бедственного положения. Он снова и снова вызывал в памяти ее милое, бесконечно дорогое лицо, ее светлую доверчивую улыбку и, казалось, даже слышал ее незабываемый голос. Да, слышал! Так явственно, будто он действительно раздавался где-то над его головой.

— Сергей Владимирович! Сергей Владимирович! — все громче звучало в его ушах.

«Боже, неужели так может быть? Или это уже что-то вроде некой предсмертной галлюцинации?» — пронеслось у него в голове.

Но в это время совершенно отчетливо:

— Сергей Владимирович, да где же вы? Откликнитесь, наконец!

«Нет, это не галлюцинация!» — он вскочил на ноги и, приставив руки к рту, закричал что было силы:

— Оля! Олењка! Это вы?

— Да я. Я, конечно. А вы что прячетесь? Ведь если бы не ваш тючок с палаткой...

— Стойте! Оля, стойте! Ни шагу больше! Стойте на месте и слушайте. Я провалился в яму, которую, видимо, выкопали местные охотники на звериной тропе. Поэтому не подходите к палатке. Она лежит прямо над ямой. Как из нее выбраться я еще не знаю. Подумаем вместе. А пока...

— Все ясно. Я слышала о таких ямах. И раз это ловушка для сохатых, то где-то здесь, рядом, обязательно должны быть и какие-то снасти, чтобы вытаскивать пойманную добычу. Да вон, я уже вижу: целая связка веревок под ближней елью. А чуть дальше, выше по склону — даже охотничья избушка. Я заглядывала в нее. Избушка — что надо! Даже с печуркой и топчаном. Только в избушке — ни души. И, похоже, давно там никто не бывал. Так что никто не пришел бы вам на помощь, упрямый вы, неисправимый индивидуалист. А теперь... С чего мы начнем?

«Олењка, родная моя!» — Сергей почувствовал, как на глаза его набежали слезы. Но он постарался взять себя в руки:

— Начнем с веревок, Оля. Как они, по-вашему, прочные?

— Прочнее некуда.

— Тогда так. Распутайте эту связку, один конец веревки закрепите за ствол дерева, а другой бросайте мне в яму. Да имейте в виду, что яма широкая, метра два с половиной. Поэтому ближе, чем за два метра до провала не подходите... Ой, вон и палатка летит мне на голову!

— Так это я ее палкой столкнула, чтобы вас увидеть. Только все равно ничего, кроме черной дыры не видно.

— У меня тоже лишь клочок неба над головой. Ну, как с веревкой?

— Все в порядке. Держите конец.

— Конец у меня. И сделаем так: по-пробуйте сначала поднять мой рюкзак с палаткой.

— Потом вас?

– Ну что вы, Оленька! Я взберусь по веревке сам, как по канату.

– Тогда начали. Я тяну.

Через минуту рюкзак с палаткой были на поверхности земли. А вот взобраться по веревке ему самому оказалось не так просто: тонкая веревка врезалась в руки, раскачивалась, как маятник, ноги тщетно искали несуществующую опору. Лишь ценой невероятных усилий, стиснув зубы от страшнейшего напряжения, смог он преодолеть последние сантиметры подъема, перелезть через осыпающуюся кромку ловушки и добраться до спасительной тверди уцелевшей части поляны.

– Спасибо, Оленька, – только и смог прошептать он, с трудом разжав запекшиеся губы и валясь в густую шелковистую траву.

Она подсела к нему, осторожно пригладила рассыпавшиеся волосы:

– Вы не ушиблись, не ранены?

– Пустяки. Вот только... Попить бы!

– Сейчас-сейчас. Тут у меня в термосе еще чай остался, – она вихрем подскочила к рюкзаку, достала термосок, вложила его в руки Сергея. – Не очень горячий?

– Ум-мм, – он лишь легонько качнул головой, судорожно глотая терпкий живительный напиток и чувствуя, как свежеjeет голова и наливается силой его измученное тело.

– А вы действительно не ранены? – повторила Ольга, заглядывая ему в глаза.

– Да нет, вот разве локоть поцарапал. Но если бы не вы... Только как вы оказались здесь?

– А вы думали, что я и в самом деле уйду домой, брошу вас в этой глупши и буду спокойно ждать вашего возвращения? Нет, Сергей Владимирович, вы совершенно не знаете меня. Я отошла лишь за первый береговой мысок, подождала, когда вы покинете нашу стоянку, и сразу же двинулась за вами следом. Признаться, я словно чувствовала, что с вами может случиться беда. И когда вы вдруг исчезли из поля моего зрения, я прежде всего

начала обшаривать глазами береговой склон. Но вокруг было пусто. И если бы не ваша красная палатка... Подумать только, какой пустяк может иногда оказаться спасительным! Увидев палатку, я сразу начала звать вас, и вот... – она снова погладила его по голове, – Сергей Владимирович, не отсылайте меня больше от себя. Пожалуйста...

Он отыскал в траве ее руку и прижался к ней губами:

– Оленька, милая, дорогой мой бесценный человечек, да разве я смогу теперь расстаться с тобой? Я же... люблю тебя. Люблю так, что...

Она вздрогнула, вспыхнула до корней волос, упала лицом ему на грудь:

– Боже, как долго я ждала от тебя этих слов!

А полчаса спустя, облюбовав чуть выше по течению новую уютную полянку – на той, с ловушкой, им не захотелось оставаться и лишнюю минуту, – они решили провести на ней весь оставшийся день, с тем чтобы как следует отдохнуть и прийти в себя от пережитых волнений. Здесь они, как и накануне, раскинули палатку, развели костер, не спеша поели, попили чаю. Потом вместе ловили рыбу, собирали грибы, вспласти поплавали и порезвились в реке, а с наступлением темноты вновь уселись у костра и начали поочередно вспоминать, как непросто и с каким недопониманием складывались их отношения:

– Почему же ты так долго таил в себе свои чувства, делал вид, что я тебе совершенно безразлична? – с обидой в голосе сказала Ольга.

– Ну это, положим, совсем не так. Ты не могла не замечать, как я всей душой тянулся к тебе, как рад был даже самой мимолетной нашей встрече. Но сама посуди, мог ли я рассчитывать на что-то большее. Ведь я намного старше тебя...

– Ой, при чем здесь это! Ведь еще Пушкин писал...

– Знаю. Но написать можно что угодно.

— Ничего-то ты не понимаешь, Сереженька, — рассмеялась Ольга. — Но это мне больше всего в тебе и нравится. Ну да ладно, пора, пожалуй, на боковую.

— Да, время спать, — Сергей склонился над почти прогоревшим костром.

— А ты что, опять собираешься провести ночь здесь, у костра? — насторожилась Ольга.

— Так ведь...

— Никаких «так ведь»! Гаси костер и... Словом, я жду тебя, — она с минуту поколдовала над рюкзаками и скрылась в палатке.

А он все не двигался с места, всматриваясь в последние искорки догорящего костра и ловя малейшие шорохи, доносящиеся из палатки. Никогда в жизни не довелось ему испытать ничего подобного. С одной стороны, все в нем ликовало и пело в предвкушении того, что ждало его в ближайшие мгновенья, с другой — не покидала кошмарная робость, сковавшая все его тело и душу.

Но вот все стихло. Последние искорки погасли у него под ногами, над головой сомкнулась кромешная тьма, с реки повеяло ночной прохладой.

Пора...

В страшном волнении, с бешено колотящимся сердцем ступил он за полог палатки. Здесь было абсолютно темно. Лишь еле слышное дыхание подсказывало, где расположилась Ольга. Он снял ботинки и осторожно, стараясь не шуметь, прилег у противоположной стенки палатки. Странно было думать, что он, в общем-то неглупый и побывавший в самых невероятных переделках человек, сейчас не знал, как себя вести в этой обстановке.

Однако уже в следующую секунду рука Ольги леноночко коснулась его лица, пробежала по плечам, груди, и он услышал ее тихий прерывистый шепот:

— Ты что, боишься лечь ко мне поближе? И собираешься провести всю ночь в одежде?

— Да нет, просто я... просто я не ус-

пел еще раздеться, а вот сейчас... — он спешно сбросил с себя куртку, рубаху, брюки и, чуть не теряя сознание, прильнул к горячему, трепетно вздрагивающему телу девушки.

— Сереженька, милый, радость моя! — вырвалось, как стон, из ее груди.

А он? Он готов был сейчас жизнь отдать за этот сказочный подарок судьбы. Заключив Ольгу в объятия, он, как в бреду, без конца целовал ее лицо, шею, плечи, перебирал губами сосочки тугих напрягшихся грудей, ласкал ее животик, спину, бедра — всю-всю. Она же лишь все теснее и теснее прижималась к нему всем телом, обжигая его жарким прерывистым дыханием и тихонько постанывая от переполнявших ее чувств.

Время перестало для них существовать. Они и не заметили, как пролетела эта их первая ночь, не слышали, как нежданно-негаданно забарабанили над головой первые капли дождя, почти мгновенно перешедшего в неистовый ливень, не слышали и ужасающих раскатов грома, не видели огненных зигзагов молний, чей от свет метался даже во тьме палатки, не почувствовали, как все больше прогибаются ее стенки под напором потоков дождевой воды, и лишь ощущив, как вода все сильнее, все явственнее хлюпает прямо у них под боком, поняли, что происходит что-то не совсем обычное.

Вернее осознала только Ольга:

— Ой, Сережа, — воскликнула она в тревоге, прислушиваясь к шуму воды, — кажется нас подтапливает!

— Ерунда! — отмахнулся он, не выпуская ее из своих объятий. — Днище палатки водонепроницаемо, как и ее стенки. И вообще, нам здесь никакой дождь не страшен.

— Не в этом дело. Ты не знаешь нашей реки. А она с норовом. Стоит пройти такому вот дождю, и она мгновенно выходит из берегов, заливает всю низину вплоть до прибрежных холмов.

— Ну, не сразу же она разольется. Да и дождь, кажется, стихает.

— Дождь-то почти перестал, а воды под нами, похоже, все больше и больше. Пойду-ка я выгляну, что делается там, снаружи, благо уже светает.

Ольга быстро оделась и распахнула полог палатки. Но тут же попятилась назад: у входа в палатку плескалась вода и не какой-то там ручеек или лужица, а целое море воды, которому не было видно ни конца, ни края. Исчезли и река, и оба ее берега, и густые заросли камыша, и гряда прибрежных кустов, — все скрылось под сплошным зеркалом воды. Лишь намокшая палатка, к счастью примостиившаяся на небольшом пригорке, сиротливо возвышалась над пляшущими валами, катящимися к хмурую стенке леса.

— Ой, Сережа, беда! — в ужасе вскричала она, бросаясь к Сергею. — Вставай, одевайся быстрее. Спасаться надо.

Но тот и сам уже понял, что происходит нечто более чем неладное. И дело было не только в том, что вода могла вот-вот хлынуть прямо в палатку:

— Оля, а где наши рюкзаки? Ты видишь их? — обеспокоено обшаривал он глазами водную гладь. — Вечером они были вон там, неподалеку от костра. А теперь...

— Не беспокойся, я их еще вчера внесла в палатку.

— Какая же ты молодец, Оля! А я болван...

— Ну, сейчас не до комплиментов. Скажи лучше, что будем делать?

— Придется подняться вверх по склону.

— Это исключено. Склон здесь слишком пологий. Вода еще долго будет двигаться по нему все дальше и дальше. К тому же там такие дебри...

— Тогда что же?

— А помнишь, я говорила тебе об охотничьей избушке, что стоит на злополучной поляне. Она построена на таком косогоре, что никакой подъем воды ей не страшен.

— Но это так далеко, — не мог не возразить Сергей.

— Совсем нет. Не больше двадцати

минут ходу. Зато там мы сможем переждать любой потоп, сколько бы он ни продолжался.

— А как же палатка?

— Будем надеяться, что она уцелет, вода не снесет ее. Во всяком случае, никакого выбора у нас просто нет.

— Да, пожалуй. И не будем терять время, — Сергей забросил рюкзак на плечи, помог собраться Ольге и, не раздумывая больше ни минуты, шагнул прямо в воду. Тьма начала понемногу рассеиваться, хмурый окоем заметно расширился. Но путь их к охотничьей избушке оказался не из легких. Дождь так и не перестал. Вода местами доходила чуть не до колен, приходилось ощупывать каждый шаг, ориентироваться лишь по прибрежной стене леса. Зато с какой радостью переступили они на конец порога неказистого лесного домишко.

К счастью, там у немудреной печурки оказался даже небольшой запас дров и сухой лучины, что было более чем кстати для насквозь промокших и прогретых бедолаг. Сергей сразу же сбросил с себя всю набухшую от воды одежду, помог раздеться Ольге и поспешил растопить спасительную печурку. Но... Когда он нашарил в кармане брюк спичечный коробок, то с ужасом увидел, что все содержимое его превратилось в сплошную липкую массу.

— Проклятье! — стукнул он кулаком по холодному боку печи. — И тут нам не повезло!

— Это тебе не повезло, — неожиданно рассмеялась Ольга. — К счастью, только тебе.

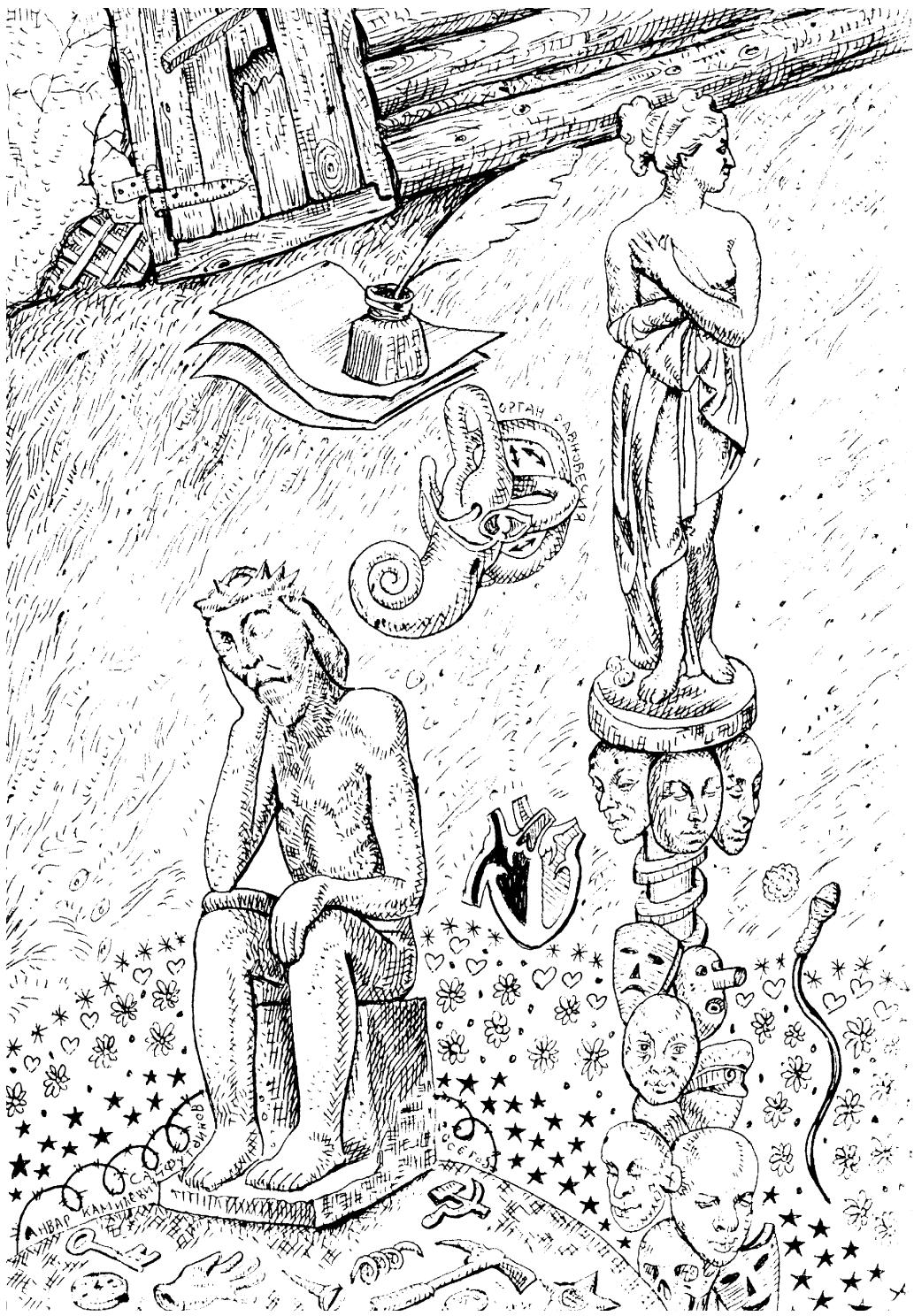
— То есть?.. Почему только мне?

— Потому, что в тайге так спички не носят.

— Но кто мог подумать...

— Здесь надо всегда думать. А почему не повезло только тебе... Вот! — Ольга достала из кармана куртки небольшой резиновый мешочек и извлекла из него абсолютно сухой коробок спичек. — Кстати, давай уж я сама и дальше все сделаю, — она подсела к

тайна таёжного лагеря

печке, и через минуту там загудело пла-
мя.

Совершенно обескураженный Сер-
гей с досадой опустился на топчан:

– Н-да... Когда-то и я был почти гео-
лог. А теперь...

– А теперь согрей меня, как это мо-
жешь сделать только ты. Печка когда
еще разогреется, а я совсем прогрола, – Ольга обхватила Сергея за плечи
и прижалась к его груди.

– Боже, за что мне такое счастье! –
только и смог вымолвить он, заключая
ее в свои объятия...

62

Глава десятая

Дождь прекратился только к вече-
ру. Но уже следующее утро встретило
их чудесной солнечной погодой. От на-
воднения не осталось и следа. Поэтому,
наскоро позавтракав, они не меш-
кая тронулись в путь. Главной их за-
ботой была палатка: как она выстояла
под напором воды? Но все опасения
оказались напрасными. Палатка стояла
как ни в чем не бывало. Пришлось
только долго отмывать ее от ила и грязи
и просушивать на солнце. Но и это
осталось позади. Трава еще не успе-
ла отряхнуть росу, как они снова были
в пути.

К счастью, теперь, после грозы, жара
заметно спала, прямо им в лицо дул
свежий бодрящий ветерок, рюкзаки за-
метно полегчали, и уже к вечеру они
услышали глухой нарастающий шум,
каким мог быть только шум от большо-
го речного переката.

Но поскольку день был уже на исхо-
де, а по пути им попалась уютная, за-
метно приподнятая над рекой полянка,
то решено было остаться на ночь имен-
но на ней, чтобы назавтра поутру сде-
лать последний бросок к заветной цели.

Утомленные почти безостановоч-
ным переходом, на этот раз они не
стали засиживаться у костра, а наскоро
поужинав, сразу забрались в палат-
ку, где уже через считанные минуты
Сергей услышал ровное дыхание зас-

нувшей Ольги. Но самому ему не спа-
лось. Слишком большие надежды воз-
лагал он на следующий день. А может,
еще и потому, что ночь эта, как-то не-
заметно опустившаяся на притихшую
землю, была сказочно прекрасной. Ог-
ромная полная луна, плывущая над
лесом, казалось, застыла в бездонном
черном небе, призрачно блеклый свет
ее проникал даже сквозь полог палат-
ки и, падая на лицо спящей девушки,
придавал ему какую-то особую незем-
ную красоту. Сергей почти с благово-
вением не сводил с нее глаз, не решаясь
даже прикоснуться к идеально сложен-
ному, доверчиво обнаженному телу
любимой.

Так прошло часа полтора-два, и сон
начал было уже затуманивать сознание
Сергея, как до слуха его донесся подоз-
рительный шорох, вслед за этим по-
слышались тяжелые шаги, приближаю-
щиеся к палатке.

И сразу сон долой! Он выглянул на-
ружу и увидел, что в каких-нибудь де-
сяти-пятнадцати метрах от него высит-
ся черно-бурая громада здоровенного
медведя. Ноздри зверя широко разду-
вались, маленькие глаза, поблескива-
ющие под луной, похоже, с недоумени-
ем рассматривали диковинное, никогда
им не виданное сооружение.

А если он захочет попробовать его
на зуб?.. Сергей взглянул на спящую
Ольгу. По лицу ее блуждала легкая спо-
койная улыбка. Но ведь он может на-
пасть и на нее, и тогда... Нет-нет, он
должен защитить ее во что бы то ни
стало. Но как? Как?! Конечно, только
убив зверя. Иного выхода просто не
было.

Сергей достал свою двустволку, за-
рядил оба ствола и выбрался из палат-
ки. Медведь стоял все так же не двига-
ясь и, похоже, не замечал человека. Так
оно, наверное, и было, ведь Сергей сто-
ял в тени палатки, а ветер дул со сто-
роны леса. Поэтому он мог спокойно
прицелиться и сразить зверя одним-
двумя выстрелами.

«Итак, спокойно! Одна пуля – в
грудь, другая – в голову. Или обе в го-

лову?» – но только он взял зверя на мушку, как увидел, что из-за массивной туши медведя выкатились два маленьких пушистых шарика и завертелись у его ног, кувыркаясь и подпрыгивая в свете луны.

«Так это медведица с медвежатами», – мгновенно сообразил Сергей, и руки его с ружьем невольно опустились: разве мог он лишить матери этих милых забавных несмышленышей? Но и ждать нападения... Сергей даже взмок от невозможности принять какое-то решение. «Что же делать? Что делать?!»

Но все разрешилось само собой. Постояв еще с минуту, медведица круто развернулась и заковыляла обратно к лесу. Медвежата пустились за ней следом. Тут только Сергей почувствовал, что его колотит лихорадочная дрожь. Он тяжело опустился на землю и отер пот со лба.

Вдали, за стеной деревьев, медленно таяли последние шорохи и треск вальежника. Наконец все стихло. Луна заскользила за облако. С реки потянуло предутренним холодком. Сергей пожалел и осторожно, боясь разбудить спящую Ольгу, вернулся в палатку. Но она сразу проснулась:

– Сережка, чего не спишь? И что это у тебя в руках, ружье?

– Да... выходил посмотреть все ли в порядке.

– Просто выходил посмотреть?! А ну-ка выкладывай все!

– Да что выкладывать... Ну, вышел из леса медведь, я хотел его приугнуть, а оказалось, это медведица с медвежатами.

– И что же ты?

– Да ничего... Не мог же я убить мать двух детенышей.

Ольга обхватила его за шею:

– Сережка, милый, вон какой ты, оказывается. Недаром я тебя так люблю. Ой, да ты весь дрожишь! Ляг ко мне поближе, я согрею тебя, – она прижалась к нему всем телом и обдала горячим прерывистым дыханием.

Глава одиннадцатая

Следующий, последний день их пути к перекату выдался погожим, не очень жарким, поэтому шли они не спеша и только к полудню перед ними открылась величественная картина извечноной борьбы воды и камня. Массивная кварцевая жила пересекала реку почти под прямым углом, и мощный поток вспененной воды обрушивался здесь с двухметровой высоты, образуя гигантскую ступень сверкающих на солнце струй.

– Ой, какая красотища! – воскликнула Ольга, сбрасывая с плеч рюкзак. – Ради одной такой картины стоило пройти эти шестьдесят километров.

– Да, здесь есть на что посмотреть, – согласился Сергей. – А ведь тогда, десять лет назад, все это не произвело на меня почти никакого впечатления. Впрочем, я и видел-то перекат лишь сверху, издали. Да и не до красоты в то время было. Но красота – красотой, а дело – делом. Ты уж займись, Оленька, костром и обедом. А я поднимусь повыше, посмотрю, что там и как.

Сергей взобрался на береговой склон и постарался увидеть хоть что-нибудь более или менее приметное, что сохранилось в памяти от тех далеких времен. Но все было тщетно. Весь склон был покрыт плотно задернованной луговиной, средь которой тянулось к небу лишь несколько хилых кривых сосенок. Да и сам склон казался совсем другим, более крутым и слишком ровным, что никак не походило на исполосованную тракторами вырубку, у края которой лежал тогда вывороченный с корнями кедр. Неужели все могло так измениться за какой-то десяток лет! Нет, скорее всего это с памятью его не все в порядке. Вот ведь и перекат запомнился ему совсем иным. А может быть, причиной всему произошедший тогда взрыв? Он мог все здесь перевернуть вверх дном. Да, пожалуй, так. Вот только где же тот ручеек, что впадал в Быстрикну чуть ниже переката? Его-то никакой

взрыв не мог уничтожить. К тому же Сергей видел его, шел по нему уже после взрыва. Или устье его переместилось куда-то? Сергей тщательно осмотрел береговую кромку метров на триста вверх и вниз от переката — безрезультатно!

— Ничего не понимаю! — выругался он про себя. — Чудеса какие-то! Но что теперь делать? Ведь это была единственная ниточка, которая могла бы привести их к спрятанному письму. А теперь...

Он вернулся к Ольге, которая уже разожгла костер и собиралась пойти за водой:

— Где же твой ручеек, Сережа?

— Не знаю, — пожал плечами Сергей. — Нет ручья ни ниже, ни выше переката. Видимо, пересох.

— Как пересох? Это же не пустыня.

— Взрыв мог нарушить циркуляцию подземных вод, вот и...

— Допустим. Но русло-то его должно остаться.

— А русло его съела последующая эрозия.

— Совсем-совсем съела?

— Эрозия уничтожает и не такие формы рельефа. А устье ручья и тогда было еле выражено.

— Что же теперь делать? Как найти письмо?

— Попробуем углубиться вверх по склону. Там, в лесу, возможно, что-то сохранилось от пересохшего русла. Но это чуть позже. Сначала мне хотелось бы отыскать рудное тело. Выходы его были,омнится, вот тут, где мы стоим. Тут я и заложу первый шурф. А воду придется брать из реки.

— Вода — пустяки. А я вот что хотела спросить: ты не нашел здесь что-нибудь такого, что совершенно определенно сказало бы, что это именно то место, где был лагерь?

— Нет, пока ничего не нашел. Да и зачем это? Перекат-то — вот он! Что может быть определеннее? А почему ты это спрашиваешь?

— Так просто. Ну да ладно, ставь палатку и начинай свой первый шурф.

Весь остаток этого дня, до самой темноты Сергей не вылезал из шурфа. Но сколько он ни копал, лопата погружалась лишь в темную плотно слежавшуюся супесь, какой могли быть только прирусловые отложения реки. Ни кварцевой жилы, ни каких либо рудных минералов не было и в помине.

Утро следующего дня — а он встал с восходом солнца — не принесло ничего нового. Ни один из выкопанных им шурфов не обнаружил даже следов сульфидной минерализации. В чем же дело? Перекат могла образовать только кварцевая жила. Почему же ее нет на поверхности берегового склона? Значит, она круто ушла в сторону или нырнула глубоко вниз? Но ведь тогда, десять лет назад, он видел присущие ей рудные включения почти у самой поверхности земли и совсем неподалеку от берега. Чудеса какие-то! Или все это действительно было в другом месте? Придется пройти сплошной канавой вдоль всего склона. Конечно, это займет немало времени, но не уходить же отсюда просто так! Не говоря уже о том, что подумает тогда о нем Ольга.

Но Ольга с пониманием выслушала все его соображения и планы, сказав только, что сразу после завтрака пройдет немного вверх по течению реки. Занятый своими мыслями, Сергей даже не спросил, зачем ей это надо. И только далеко после полудня, когда лопата его наткнулась, наконец, на небольшие обломки кварца с блесточками сфалерита, он, едва разогнув спину от усталости, заметил, что Ольги на берегу не видно. Но ведь она обещала отлучиться ненадолго!

Выбравшись из канавы, Сергей спустился к палатке, подошел к потухшему костру, осмотрел весь бечевник — нигде Ольги не было. Не откликнулась она и на его крики. Зловещая тишина нависла над речной долиной и подступившим к ней лесом, вызывая в нем страшную тревогу за то, что могло произойти где-то там, в таежной глуши. Хуже всего было то, что он понятия не имел, куда она пошла и с чем могла

столкнуться. Единственное, что он знал, это то, что несколько часов назад она отправилась по берегу реки дальше к ее верховьям. Но куда именно и что ей там понадобилось, он не удосужился даже спросить. И вот результат...

Впрочем, как бы там ни было, нужно было что-то делать. Срочно! Немедленно!!! И он не раздумывая пустился по ее следам. Благо, следы эти на влажном песчанистом бечевнике отпечатались довольно отчетливо. И он мчался по ним, не переводя дыхания, как вдруг до слуха его донеслось что-то вроде негромкого пения.

Что это? Он круто остановился, приставил ладонь к уху. Но нет, издали определенно доносилась песня о бродяге, бежавшем с каторги. И петь так могла только Ольга. И сразу где-то там, внутри, словно разогнулась туга сжатая пружина, и он в бессилии опустился на мокрый песок. А оттуда, из таежного далека, все неслась и неслась, ширясь и крепчая, песня его далекой юности:

... **Бежать ему дальше нет мочи,
Пред ним расстился Байкал...**

И он снова вскочил. Снова рванулся вперед. Продрался сквозь стену какого-то колючего кустарника. Выбежал на бечевник и... уперся в каменистый мысок, круто обрывающийся к самой воде. И голос вдали смолк. Привычная тишина снова нависла над рекой. Лишь нудное гуденье комаров вплеталось в шорох речных струй, да робкий шелест листвы доносился со стороны леса.

Но ведь он только что слышал ее голос. Неужели это все-таки показалось ему? Он сбросил сапоги и, гонимый страхом неизвестности, готов был уже ступить в воду, как где-то там, за мысоком, раздался сильный всплеск, а в следующую секунду из-за него высокользнула Ольга. Веселая, чем-то страшно довольная, с улыбкой во все лицо, в ореоле сверкающих на солнце брызг, она быстро, чуть не бегом, выскочила на берег и бросилась ему на шею:

— Сережка, милый, почему ты здесь? И босиком!

— Да видишь ли... Тебя долго не было. И я... забеспокоился немного.

— Немного? Я вижу, как «немного». На тебе лица нет! Зато у меня для тебя такая новость! Но сначала — вот, смотри! — она сорвала с плеч рюкзак и, чуть порывшись в нем, протянула ему огромный кусок сверкающего галенита.

— Но это еще не все, — она перевернула рюкзак, и из него, как из рога изобилия, посыпались бесчисленные образцы сфалерита, пирита, аргентита, а вдобавок ко всему в руках у нее оказался увесистый кусок кварца с причудливыми включениями самородного серебра.

— Ну как, неплохая коллекция? — рассмеялась она счастливым смехом.

— Но откуда... Где ты откопала все это? — чуть не лишился дара речи Сергей.

— А все там, на твоем «прииске», у переката. Переката, о котором ты рассказывал, к которому мы шли и дошли бы еще вчера, если б не этот, второй перекат, сбивший нас с толку. Я, знаешь, сразу почувствовала, что там что-то не то. И явно показавшийся тебе незнакомым ландшафт, и непонятное исчезновенье ручейка. Но не хотела тебя расстраивать. Вот и решила проверить свою догадку.

— Так, значит, там, выше по течению — еще один перекат?

— Да. И, несомненно, тот самый. Поднявшись по склону, я увидела там даже обрывки колючей проволоки, несколько бетонных столбов. И ручей. Главное — ручей! А этих камней по всему бечевнику и в самой реке — видимо-невидимо!

— А это далеко?

— Нет, километрах в десяти, не больше.

— Ну, Олька, ты всегда была молодцом. Но на этот раз... А я, болван, даже обед не приготовил. Ты же, наверное, умираешь с голоду?

— Ерунда. Поедим чего-нибудь. Но больше — никаких раскопок! И вообще — ни часа на этом проклятом перекате. Только... — она чуть замялась. —

Все-таки отдохнем, пожалуй, до завтра. Досталось мне сегодня. Да и тебе тоже.

— Да, не без этого, и если бы не ты...

— Ну, что там я, — отмахнулась Ольга. — И ты рано или поздно понял бы, что надо идти дальше, искать другой перекат.

— Возможно. Но сколько пришлось бы потерять времени, чтобы понять это.

— Вот и хватит его терять на пустяки. Собирай инструмент и — спать. А то вчера я подумала, что ты и заночуешь в шурфе.

— Нет, вчера я не очень спешил. А вот сегодня, в самом деле, мне пришлось бы не вылезать из канавы до самой ночи. Все-таки я натолкнулся, наконец, на следы сульфидной минерализации и здесь. Но чтобы убедиться в этом, понадобилась бы уйма времени.

— Зато там, где я была, скорее всего, вообще не придется ничего копать. Там все на виду.

— Посмотрим, посмотрим... Но как бы там ни было, завтра надо будет выйти пораньше.

— Потому я и говорю: пора бай-бай! Утро вечера мудренее.

Действительно, утро следующего дня встретило их уже в пути, а часа два спустя вдали показался еще один клокочущий перекат, так же отороченный седой каймой вспененной воды. Впрочем, перекат этот оказался далеко не столь величественным, как тот, что остался позади. Река здесь была много шире, течение ее спокойнее. Да и сам уступ возвышался над водой значительно меньше. Поэтому он не вызвал у Ольги такого восторга, как два дня назад, тем более, что все это она уже видела вчера. Сергей же глаз не мог оторвать от здешнего берегового склона, по которому он в свое время изрядно поколесил на лагерной водовозке.

Да, все это было именно здесь. Теперь он узнавал каждый мысок, каждую долинку, сбегающую к реке.

— А вот и наш ручеек! — радостно

воскликнул он, помогая Ольге перебраться через небольшой водный поток, весело журчащий в прибрежных камышах.

— А бечевник! Бечевник во что превратился! — продолжал он, сбегая к самой воде и не спуская глаз с мелкого галечника, искрящегося на солнце от бесчисленных обломков рудных минералов. — В то время ничего такого не было. Видимо, река размыла крупную залежь. Или взрыв разметал добрую часть кварцевой жилы. Ведь вон, смотри, Оля, — указал он на возвышающийся над рекой белокаменный уступ. — Видишь, как сквозь толщу воды просвечиваются блестящие красновато — бурые пятна. Это все гнезда сфалерита в кварце. Да, ты права: здесь и копать ничего не надо. Но подумать только, какое богатство лежит тут прямо под ногами! И никто до сих пор не знает об этом.

— Но как не заметили этого те, из лагеря? Ведь там были не одни зеки.

— Ну, во-первых, тогда все это не выходило на поверхность. Я сам не заметил бы ничего подобного, если бы не та вывороченная с корнями лесина. А потом... Здесь занимались, видимо, чем-то таким, что до всего другого не было дела. Но вот чем?

— Так, может быть, спрятанное тобой письмо и подскажет чем? — заметила Ольга.

— Я очень рассчитываю на это.

— Тогда давай прямо сейчас и двинем вверх по ручью, поищем его.

— Нет, сначала я все-таки немного похожу тут, посмотрю, что здесь осталось, чем все кончилось, а потом уж...

— Ну что же, сходи полюбуйся на свое пепелище, а я тогда займусь пока обедом. Только не забудь прихватить радиометр, мало ли что там...

— Это само собой. Да я только посмотрю, что и как.

Впрочем, смотреть, как оказалось, было почти не на что. Вся котловина, в которой размещался лагерь, превратилась в огромное стоячее болото, обрамленное чахлыми лиственницами и за-

рослями тощего кустарника. Лишь по краям его, где в свое время возвышались каменные строения, остались груды побитого кирпича и ржавые искореженные куски кровельного железа. Чудом сохранилось лишь несколько бетонных столбов да небольшая часть стены «фабрики», но и она была без окон и дверей. Словом, взрыв не пощадил абсолютно ничего. И все-таки что-то заставило Сергея подойти к развалинам «фабрики», рассмотреть поближе эту стену. Она была сложена из огнеупорного кирпича, а у самого основания ее чернела глубокая яма. Яма это тоже не представляла бы ничего интересного, если бы не одна любопытная деталь: в глубь ее шли каменные ступени. Значит, это был вход в какой-то подвал, а там могло сохраниться и что-то интересное.

Замерив радиационный фон и убедившись, что он не превышает обычной нормы, Сергей спустился на несколько ступеней вниз и наткнулся на что-то, похожее на дверь, обшитую кожей. Дверь была плотно закрыта, но стоило Сергею прикоснуться к ней, как вся она рассыпалась в прах, открыв за собой глубокий черный колодец. Вниз шли такие же каменные ступени, однако продолжение их терялось в черноте темноте. Дальше можно было спуститься только с фонариком. Фонарик у Сергея был, но чем-то неизъяснимо страшным повеяло из кромешной темноты, и он поспешил вернуться назад.

Ольга встретила его у костра, над которым попыхивали котелки:

— Ну как, нашел что-нибудь? — спросила она.

— У разрушенной стены бывшей «фабрики» я обнаружил вход в какое-то подземелье.

— Ну и что? Каких только казематов не было, наверное, в этом лагере.

— Может быть, там есть что-то интересное...

— И ты предполагаешь спуститься туда?

— Только не сегодня. Не стоит рис-

ковать. Попробуем сначала разыскать письмо.

— Ну что же, давай пообедаем и пройдемся вверх по ручью. Ты говорил, это недалеко.

— Километра три, не больше.

— Так мы вполне успеем дойти туда и вернуться обратно еще засветло.

— Да, пожалуй, вот только...

— Что «только»?

— Как быть с рюкзаками и палаткой?

Не хотелось бы тащить это с собой.

— Видишь ту разросшуюся ель? В ней все и спрячем.

Так они и сделали и уже через пол-часа шагали по узкой, заросшей густым кустарником долине ручья.

Впрочем, путь этот оказался много труднее и дальше, чем предполагал Сергей. Почти вся долина ручья оказалась загроможденной кучами полусгнившего бурелома, а сам ручей не только без конца петлял из стороны в сторону, но иногда и вовсе уходил куда-то под землю. А ведь надо было еще и пристально всматриваться в борта долины, чтобы не пропустить нена роком место захоронения сержанта. Но в этом-то Сергею определенно повезло: продираясь сквозь густые заросли кустарника, он чуть не споткнулся об обитый жестью передок телеги, торчащий из ила. Больше здесь не было ничего. Все остальное, включая остов коня, было, видимо, унесено вешними водами.

Но больше ничего и не требовалось. Сергей в два прыжка взобрался наверх и сразу увидел в траве знакомый камень.

— Все! Все в порядке, Оля! — крикнул он, опустился на колени и прижался лицом к замшелому булыжнику.

— Еще раз спасибо тебе за все, доб рый человек, — с чувством прошептал он.

— Вот уж не ожидала от тебя такой прыти! — молвила Ольга с легкой усмешкой. — Ну как, осталось тут что-нибудь?

— Сейчас посмотрим. Камень на месте. А что под ним... — Сергей при

поднял камень и извлек из-под него упакованный в целлофан пакет. – Вроде все цело.

– Открывай, открывай скорее! – захлопала в ладоши Ольга.

– Сейчас вскрою, – Сергей срезал ножом кромку пакета и достал из него простой белый конверт, на котором было написано всего две строчки:

Гнедину Петру Ильичу

Лично

– А дальше, дальше?! – продолжала нетерпеливо тормозить его Ольга.

Сергей вскрыл конверт и развернул оказавшийся в нем один-единственный лист бумаги, заполненный с обеих сторон рукописным текстом, написанным мелким убористым почерком:

– Ну, что же, посмотрим, что должен был узнать Петр Ильич.

обстоятельствах не выйдет из этого лагеря живым и не сможет выслать даже крохотной записочки о том, что здесь происходит.

Единственное, на что я рассчитываю, это вручить свои записки твоему двоюродному брату, с тем чтобы он доставил их тебе, минуя каких бы то ни было посредников.

Дело в том, что твой брат конвоирует заключенных из так называемой хозгруппы в их поездке за дровами далеко за пределы лагеря. Так вот, если произвести планируемый нами взрыв как раз в такой день, то брат твой не только окажется единственным, кто останется в живых, но и освободится от гнета, нависшего над всеми нами и сможет передать тебе это письмо.

Теперь о сути дела. Лагерь этот не простой и возник здесь не случайно. Все началось с того, что когда-то, может быть, не одну сотню лет назад, сюда упал гигантский метеорит и оставил после себя громадный кратер. Кратер этот со временем зарос лесом, и долгое время никто не обращал на него ни малейшего внимания, тем более что располагался он в глухой тайге, вдали от крупных населенных пунктов. До ближайшей деревни было более шестидесяти километров.

Но несколько лет назад местные геологи, проводившие здесь геологическое картирование, обнаружили заметно повышенное радиоактивное излучение. Естественно, что уже на следующий год в район кратера был направлен хорошо оснащенный геохимический отряд, и было сделано сенсационное открытие. Какое? Боюсь, что сейчас ты свалишься со стула. Со мной в свое время произошло нечто подобное. И было от чего. На дне кратера, в обломках образовавшего его метеорита, были обнаружены дотоле неизвестные на Земле минералы с заметным содержанием нептуния. Да-да! НЕПТУНИЯ, девяносто третьего элемента периодической системы, трансурана с периодом полураспада в два миллиона лет, которого, как мы при-

Глава двенадцатая

Сергей пристроился поближе к Ольге и начал читать:

«Дорогой друг! Ты остался едва ли не последним из той славной когорты физиков-атомщиков нашего института, на кого еще не успели навесить столь модный сейчас ярлык «врага народа» и не отправили замаливать свои грехи перед партией и правительством в «места не столь отдаленные», да, пожалуй, и одним из немногих, кто сможет понять и оценить все то, что мы сделали, включая наш добровольный уход из жизни во имя спасения человечества.

Да, все мы идем на смерть совершенно сознательно, считая это своим долгом. Но хотелось бы, чтобы вы, наши коллеги, да и все наши родные и близкие знали об этом, поняли, какую угрозу мы отвели от всех жителей Земли, и помянули нас добрым словом.

А узнать об этом будет непросто. Потому что ни один человек, будь то простой заключенный, будь то охранник или любой работник службы, не говоря уже о нас, ученых-исследователях и инженерах, никогда, ни при каких

выкли считать, на Земле нет и не может быть. Ты еще в состоянии читать дальше?»

— Постой, Сережа, — остановила его Ольга. — Ты, я вижу, тоже изменился в лице, дойдя до этого места. Но для меня все это — темный лес. Что это за девяносто третий элемент? Почему его нет и не может быть на Земле? Что так удивило вас обоих?

— Что здесь удивительного? Ты в самом деле не знаешь? Тогда слушай. Последним, девяносто вторым элементом периодической системы элементов Менделеева является уран — элемент с самым большим атомным весом и с самым сложно сконструированным атомом, содержащим девяносто два протона и от ста сорока двух до ста сорока шести нейтронов. До сравнительно недавнего времени этот элемент действительно считался последним. Но во второй половине двадцатого столетия учёные-физики смогли искусственно, на ускорителях элементарных частиц, получить еще целую группу элементов с атомным весом больше девяносто двух, которые получили название трансурановых. Это девяносто третий нептуний, девяносто четвертый плутоний, девяносто пятый америций, девяносто шестой кюрий, девяносто седьмой берклий, девяносто восьмой калифорний, девяносто девятый эйнштейний, сотый фермий, сто первый менделевий, сто второй нобелий, сто третий лауренсий и сто четвертый, открытый у нас в России, курчатовий. Однако все эти элементы чрезвычайно быстро распадаются, имеют, как говорят физики, очень короткий период полураспада, то есть время, в течение которого количество их атомов сокращается ровно в два раза. Самым долгоживущим из них оказался девяносто третий нептуний. Но и его период полураспада не превышает двух миллионов лет. Вот почему на Земле, возраст которой насчитывает четыре с половиной миллиарда лет, его давным-давно нет.

— А как же этот метеорит? — не поняла Ольга.

— Так он прилетел из космоса. А там трансурановые элементы образуются и по сей день. Сравнительно недавно и с достаточной убедительностью было доказано, что при взрывах так называемых «сверхновых» звезд возможно образование огромного количества даже самых тяжелых трансурановых элементов, вплоть до девяносто восьмого калифорния. К тому же при таких взрывах высвобождаются колоссальные количества энергии, за счет чего светимость этих «сверхновых» звезд в сотни миллионов раз превышает светимость Солнца. Так, одна из самых ярких «сверхновых» звезд нашей галактики, наблюдавшаяся в 1054 году китайским астрономом Ма Туан-лингом, превышала светимость Солнца в 600 000 000 раз. Эта суперзвезда, названная «Гостьей», появилась внезапно и просуществовала до 1056 года, причем ее светимость уменьшалась строго постепенно. Но вот что самое интересное: светимость «Гостьи» уменьшалась ровно в два раза каждые 54 дня. А эта величина в точности соответствует периоду полураспада трансурана калифорния. Отсюда напрашивается один-единственный вывод, что как раз образование огромных количеств калифорния и последующий распад его атомов и привели к выделению той колоссальной энергии, которая явилась причиной взрыва звезды. Так что, как видишь, образование трансуранов во Вселенной — не такая уж большая редкость. Но если коротко живущий калифорний дал «Гостье» возможность просуществовать лишь два года, то метеориты, содержащие в своем составе значительно более долгоживущий нептуний, могут бороздить ее просторы многие десятки миллионов лет. Вот один из них и залетел в Солнечную систему и брякнулся на нашу матушку-Землю.

— Понятно. Но возводить ради этого столь строго засекреченный лагерь... — покачала головой Ольга.

— Боюсь, что дело было не только в этом, — отозвался Сергей. — Посмот-

70

рим, о чём еще повествует автор письма. Так на чём я остановился? А-а, вот, – нашел он и продолжил: «Ты еще в состоянии читать дальше? А все обстояло именно так, как я пишу. В обломках метеорита был обнаружен нептуний. Такое важное открытие, как ты понимаешь, случается раз в тысячу лет и несомненно сразу же взбудоражило бы весь научный мир, если бы... Если бы оно было сделано в любой другой стране. Ну, а у нас... У нас все было как всегда. Кратер мгновенно обнесли несколькими рядами колючей проволоки. Все геологи, так или иначе принимавшие участие в его исследовании, были немедленно изолированы от общества. А в образованный на месте кратера засекреченный лагерь наряду с обычными зеками начали сгонять и репрессированных или срочно объявленных репрессированных представителей нашего братства – ученых. И работа закипела. В невиданно короткий срок на территории кратера были развернуты земляные работы, была построена обогатительная фабрика, а на другой стороне реки глубоко под землей смонтирована секретная лаборатория, оснащенная самым совершенным оборудованием. В результате очень скоро были получены первые граммы чистого нептуния, проведены все мыслимые и немыслимые его исследования и, как ты, наверное, уже смекнул, перед нами, физиками, была поставлена задача: создать нептуниевую бомбу.

Ну, есть ли предел человеческому безумию?! Создавать еще одну ядерную бомбу! Будто мало на Земле было подобного оружия. Но мы особенно не всполошились. В конце концов, что могла изменить эта новая бомба в судьбах человечества Земли? И без нее ядерные державы накопили уже столько атомного оружия, что его больше чем достаточно, чтобы уничтожить все живое на планете. К тому же много ли нептуния мог дать один-единственный метеоритный кратер?..

Но дело было не только в бомбе.

Вскоре оказалось, что в процессе распада ядер нептуния возникает ранее неизвестное излучение, пагубно влияющее на психику человека. Под действием его человек начисто забывает, кто он и что с ним было в прошлом, совершенно лишается способности мыслить и соображать, строить какие-то планы, принимать какие-то решения. Словом, превращается в безмозглого робота. Он может, правда, самостоятельно есть, пить, совершать простейшие физические действия, в частности, стрелять, бить, наносить увечья тому, на кого укажет управляющий им человек, а также переносить тяжести, строить укрепления. Но и только!

Теперь перед учеными и инженерами лагеря была поставлена задача: создать генератор, который мог бы передавать это излучение на большие расстояния и покрывать им большие территории.

И что бы ты думал? Такой генератор недавно был создан. Создан и испытан на многих несчастных заключенных. Ты представляешь, что это значит? Ведь его можно использовать не только в ходе каких-то военных действий, но и в обычной жизни: против любой неугодной правительству партии, политической оппозиции, кому-то враждебной группы населения.

Человечество, я подчеркиваю, все человечество, не сталкивалось еще со столь чудовищной опасностью, и только мы, мы сами, сможем отвести ее от жителей Земли. Тем более что все это делается в обстановке строжайшей секретности. Со всех нас была взята подпись о неразглашении тайны. Мало того, недавно мы узнали, что никто из нас вообще не выйдет отсюда живым. Тем самым рано или поздно мир просто поставят перед свершившимся фактом. Остается одно. И мы твердо решили спасти человечество ценой собственной жизни: взорвать лагерь вместе со всеми его службами, лабораториями, мастерскими, запасами уже полученного нептуния, всей проектной документацией и всеми созданными здесь

нами приборами и установками. Когда это произойдет, не знаю. У нас все готово. Но надо ждать отправки твоего брата за пределы лагеря. Тогда я и вручу ему это письмо. Если он сможет выбраться из этого ада и как-то добраться до тебя, ты станешь единственным человеком, знающим о том, что едва не свершилось в истории цивилизации Земли и сообщишь об этом кому найдешь нужным. Если же погибнет и твой брат, то обо всем этом не узнает никто и никогда.

Вот и все. Прощай, друг. Твой Павел К. А также Иван Д., Ирек К., Леонид С., Максим О.»

Сергей перевел дыхание:

— Но это еще не все, Оленька. Слушай дальше:

«PS. И вот еще что. Взрывное устройство мы смонтировали в здании обогатительной фабрики. Устройство огромной мощности. Так что после взрыва от нее не останется и следа. Все, что расположено на поверхности земли, в радиусе полутора-двух километров от фабрики, будет также уничтожено. Но вот подземные лаборатории... Боюсь, что они могут уцелеть, просто вход в них окажется засыпаным продуктами взрыва. Поэтому наша к тебе просьба: постараися сам или, послав кого-нибудь из близких тебе людей, посетить развалины бывшего лагеря и уничтожить эти лаборатории или хотя бы их уникальное оборудование и хранящуюся в них исследовательскую документацию. Вход в подземелья расположен на территории обогатительной фабрики, почти на берегу реки, у восточной окраины метеоритного кратера. Двери в них, хотя и достаточно массивные, открываются просто: стоит лишь набрать на дверной панели цифровой код 3-28-74. Прости, что я втягиваю тебя в столь рискованное предприятие. Но, сам понимаешь, что будет, если это сделает кто-то другой.

Вот теперь все. Павел.»

Сергей сглотнул комок, давно застрявший у него в горле:

— Н-да... Вот что, оказывается, творилось в этом лагере! И вот как случилось, что я оказался единственным, кто остался в живых из многих десятков тысяч его обитателей. Кстати, вот тут еще одна небольшая приписка, сделанная чьим-то другим почерком. Написано, правда, очень неразборчиво. Но я постараюсь прочесть. Так вот:

«Сегодня ночью Павла и Максима вызывали в комендатуру, и они до сих пор не вернулись. Возможно, их уже нет в живых. Похоже, эти изверги о чем-то догадываются. Поэтому мы вынуждены торопиться. Кстати, только что стало известно, что после обеда ваш брат будет послан с одним из зеков на дальнюю делянку за дровами. Спешу вручить ему это письмо. И через час после их отъезда наступит конец. Конец всему...»

Сергей снова нервно вздохнул и отложил письмо в сторону. Ольга торопливо вытерла набежавшие слезы:

— Какой кошмар! И ты, находясь там, ничего не знал обо всем этом?

— Почти ничего. Видишь ли, Оленька... Я должен покаяться, наконец, в своем хоть и невольном, но большом обмане. Мне следовало сделать это давным-давно. Но... Все как-то не хватало решимости на это Я... как бы это тебе сказать... Я совсем не тот, за кого до сих пор себя выдавал. Я не брат Петра Ильича. И не служил в охране лагеря. Я был зеком. Помнишь, я как-то рассказывал тебе о себе и сказал, что с пятого курса университета был призван в армию. Так нет! Я действительно вынужден был уйти из университета. Но только потому, что был арестован за один глупейший пасквиль в адрес некоего высокопоставленного вельможи и сослан в этот самый лагерь. И не я конвоировал, а меня конвоировал в тот день сержант Сергей Гнедин в поездке за дровами. Ну, а дальше все было примерно так, как я рассказывал. Только опять-таки не я, заключенный, а Сергей Гнедин погиб в результате взрыва. И не он, а я похоронил его в этой могиле. И это он, сер-

жант Гнедин, перед смертью предложил мне назваться его именем, взять его документы и по возможности передать брату имеющемуся у него письмо. Без этих документов я просто не смог бы выбраться из той запретной зоны. Но и с ними не мог рассчитывать вынести оттуда секретное письмо. Вот почему мне пришлось спрятать его на могиле сержанта. И тем не менее я считал своим долгом все-таки уведомить обо всем брата Сергея Гнедина и потому выбравшись, не без помощи твоей матери, как ты теперь знаешь, из этого проклятого места, прежде всего явился на квартиру Петра Ильича. Ему я бы, конечно, рассказал все, как было, и сказал, кто я такой. Но меня встретила ты и, буквально не дав мне сказать ни слова, сама назвала братом Петра. Что мне оставалось делать, как не согласиться с тобой? Не мог же я рассказать тогда тебе, совершенно незнакомому человеку, все, что произошло на самом деле. Ну, а потом... Потом у меня просто не хватало решимости признаться во всем этом, и я...

— И ты? А ты не предполагал, что я давно знала об этом?

— Как?!

— А вот так. Эх, Сережка, Сережка! Это я должна была давно открыть тебе ужасную тайну.

— Что за тайну? О чем ты говоришь?

— Ну, это в двух словах не скажешь.

— А все-таки?

— Так вот, слушай. Я уже говорила, как лет пятнадцать назад я, наивная деревенская девчонка, приехала к тетке в город и поступила в художественное училище. Но все обстояло далеко не так просто. Оказалось, что тетке я по меньшей мере в тягость, а в поступлении в училище мне сначала решительно отказали: нашли, что и документы у меня не в порядке, и образование совершенно недостаточное, и рисунки мои далеки от должного художественного мастерства. Можешь представить себе мое тогдашнее состояние. Я просто обезумела от отчаяния. Оставалось только бросить все

и опять возвращаться в деревню. Но и на это нужны были деньги. А у меня к тому времени не оставалось уже ни копейки. В таком вот состоянии я и зашла однажды на главпочтamt, где получала присылаемые мне «до востребования» письма матери. Письмо на мое имя как раз там было. Дама, сидящая за стойкой, глянула на обратный адрес моего письма и удивленно воскликнула:

— Это из деревни Заречной, что на реке Быстрикa в Красноярском крае?

— Да, там живет моя мать, — ответила я.

— И вы там родились, там ваша родина? — продолжала дама.

— Ну да. Я недавно оттуда приехала.

— А что вас привело сюда, в этот город?

— Думала поступить в художественное училище. Стать художником.

— И что же? — в голосе дамы послышалось искреннее участие, и я не выдержала, разревелась, как малолетнее дитя, и рассказала о всех своих бедах. Рассказала просто так, не рассчитывая даже на какие-то слова утешения. И каково же было мое удивление, когда эта совсем незнакомая мне женщина положила ладонь на мою руку и ласково произнесла:

— Ну вот что, красавица, утри свои слезы и слушай, что я тебе скажу. Дело твое поправимо. Возьми вот лист бумаги и напиши свои анкетные данные: имя, отчество, фамилию, кто ты, откуда и все прочее. А через два дня иди снова в училище, к секретарю приемной комиссии и скажи лишь, что ты от Софьи Львовны Мессис. Поняла?

— Да, спасибо вам большое.

— Ну, что там спасибо. Просто понравилась ты мне, и захотелось помочь хорошему человеку.

С почтamt я возвращалась, как на крыльях. И оба последующие дня торопила время, как могла. А на третье утро, едва дождавшись девяти часов, снова пошла в училище. И что же ты думаешь? В приемной комиссии, где

неделю назад со мной не хотели даже разговаривать, на этот раз встретили меня чуть ли не с распостертыми объятиями:

— Так вы от Софьи Львовны? Ольга Павловна Ланина? Рады вас видеть. И рады сообщить, что вы зачислены на первый курс училища и вам уже сейчас предоставляется место в общежитии. Так что первого сентября приходите на занятия. А в общежитие можете поселиться хоть сегодня. Сейчас я выпишу ордерок и идите прямо к коменданту общежития. Это здесь, рядом. Видите — через дорогу большой серый дом? Вот там вы и будете жить.

Все это было, как в добродушной сказке. Я не знала, как и благодарить свою неожиданную благодетельницу. А она продолжала оказывать мне всевозможные знаки внимания и дальше: в мой день рождения подарила мне изящную кофточку, потом устроила мне бесплатный абонемент в Большой концертный зал, на встречу Нового года пригласила в свою компанию, где собирались известнейшие люди города. Здесь она и познакомила меня с Петром Ильичем. И не просто познакомила, а усадила нас рядышком за столом, наговорила ему обо мне массу всего самого хорошего, пообещала заказать мне его портрет. Да я и без того, кажется, ему понравилась. Весь вечер он не отходил от меня, а через два дня пригласил пойти с ним в оперный театр. И мы стали встречаться. Сначала изредка, потом все чаще и чаще. Он познакомил меня кое с кем из своих коллег по институту, много рассказывал о своей работе. А где-то в конце зимы предложил мне переехать жить в его квартиру. Нельзя сказать, чтобы он мне очень нравился, к тому же я была много моложе его. Но все его многочисленные звания, высокая должность, всеобщее уважение в обществе просто околдовали меня, и я, не раздумывая, согласилась.

Впрочем, он оказался замечательным: одел меня, как куколку, готов был выполнить любое мое желание, удов-

летворить любой мой каприз. Словом, все сложилось так, как не рисовалось и в самых радужных моих мечтах. Единственное, что немного портило мне настроение, это беспардонная назойливость Мессис. Она взяла за правило чуть не каждую неделю заходить ко мне «на чашку чая» и держалась так бесцеремонно, будто заявлялась к себе домой. Она ходила, как ей вздумается, по всем нашим комнатам, заглядывала даже в кабинет Петра, листала его рукописи, перебирала лежащие на столе бумаги, а сидя за чаем, без конца расспрашивала меня о нашей Заречной, нашей Быстриanke, заставляла вспоминать все, что я могла слышать о расположеннем неподалеку от нас лагере заключенных, говорила, как она была бы счастлива побывать в наших краях. Нельзя сказать, чтобы все это не вызывало у меня чувство протеста. Но разве я могла в чем-то перечить своей благодетельнице! К тому же она постоянно повторяла, что давно знакома с Петром и его коллегами, в курсе всех их работ и чуть ли не подбрасывает им время от времени свои оригинальные идеи. Мне бы, конечно, надо было поделиться всем этим с Петром, но тогда пришлось бы рассказать ему и о том, как я поступила в училище, а мне почему-то не хотелось этого.

Так прошло несколько месяцев. А с наступлением каникул Петр подарил мне туристическую путевку в Италию. Стоит ли говорить, что я, глупая, была на седьмом небе от счастья. И было чему радоваться. А когда я вернулась оттуда... Петра уже не было в живых. Судьба словно отомстила за все мои незаслуженные радости. Я снова не знала, что мне делать, как дальше жить. Но тут снова появилась Мессис. Она сразу повела меня к нотариусу, где оказалось написанное Петром завещание, согласно которому я объявлялась единственной наследницей и его квартиры, и всех его вещей, и всех его денежных накоплений, каких оказалось немало.

Так все опять вошло в нормальную колею. В училище дела мои складывались отлично.

Но месяца два спустя ко мне нежданно — негаданно снова заявилась Мессис и, едва поздоровавшись, ошаршила меня неожиданным предложением:

— Ну-с, голубушка, пора нам поговорить о делах.

— Каких делах? — не поняла я.

— Каких делах? Сейчас узнаешь. Я тебе немного помогла кое в чем.

— О, да. Да! Я так благодарна вам!

— Ну, одними благодарностями сыт не будешь. Придется и тебе помочь мне, выполнить кое-какие мои поручения.

— Я с радостью...

— Только радости это принесет тебе немного. Поручения будут э-э... деликатного свойства, и выполнять их придется так, чтобы об этом никто и ничего не знал.

— Я согласна, Софья Львовна, на все, только...

— А вот чтобы не было этого «только», ты должна будешь подписать один документик, — она щелкнула замком сумочки и достала оттуда небольшой лист бумаги с заранее отпечатанным текстом.

Текст был на английском языке. Но я еще в школе увлекалась английским да и в училище уделяла ему немало внимания. Поэтому я без труда прочла, что это было некое обязательство стать негласным агентом какого-то разведывательного ведомства. Тут только я поняла, что попалась в искусно расставленные сети. Но как теперь быть? Я отодвинула бумагу в сторону и как можно спокойнее произнесла: — Ну, зачем все эти формальности, Софья Львовна, я и без того все для вас сделаю.

— Нет, мне нужна твоя подпись, — решительно заявила Мессис.

И тут во мне проснулся мой сибирский характер:

— А если я не подпишу? — упрямо возразила я.

— Тогда... Тогда можешь запросто отправиться вслед за Петром.

— Как вслед за Петром? — переспросила я, холодея от страха.

— Очень просто. Видишь вот это? — она опять раскрыла сумочку, я увидела, что на дне ее холодно поблескивает вороненой сталью небольшой браунинг. А глаза моей благодетельницы, в которых до сих пор я видела лишь ангельскую доброту, горели теперь каким-то сатанинским огнем.

— Ах вот вы как! — едва смогла вымолвить я в приступе отчаяния.

— А ты как думала? В жизни, моя милая, за все нужно платить.

Спрятав в сумочку подписанную мною бумагу, она с минуту помолчала, а потом заговорила подчеркнуто властным тоном:

— По имеющимся у меня сведениям, в самое ближайшее время к Петру должен приехать его двоюродный брат и передать ему важное письмо. Ты должна сделать все возможное, чтобы письмо это оказалось у тебя и как можно быстрее передано мне. Далее. Ты должна во что бы то ни стоило заинтересовать этого человека как женщину — я знаю, это у тебя получится, — и вступить с ним в достаточно близкие отношения.

— Ну это уж, знаете... — не выдержала я.

— Стой, не перебивай! — осадила меня Мессис. — Я не говорю, чтобы ты непременно стала его женой, как я устроила вам с Петром.

— Что-о? Этот наш брак был всего лишь «устроен» вами?! — я готова была броситься к Мессис и вцепиться ей в волосы. Но она снова демонстративно раскрыла сумочку, в которой поблескивал браунинг:

— Ну-ну! Не забывайся, пожалуйста, не повторяй Петиной глупости. К тому же не так уж плохо для тебя оказалось то, что я «подстроила». Может быть, и на этот раз ты спасибо мне скажешь. Речь идет об очень неплохом и интеллигентном человеке. Кстати, вот его фотография. Возьми ее на всякий случай, чтобы сразу узнать его, когда он к тебе придет.

— Но зачем? Зачем вам все это нужно? — взмолилась я.

— А это я скажу тебе позднее. Сейчас тебе должно быть ясно одно: главное — это письмо. Сможешь заполучить его сразу — все остальное отпадет само собой. Не сможешь, что вполне вероятно, придется добиваться этого всеми возможными средствами, прежде всего, воздействуя на этого человека. И здесь твоя роль будет наиболее весомой. Хотя, скажу тебе сразу, добиваться этого будешь не ты одна. Нас много. В том числе и среди работников института атомной физики, где работал Петр. Кое с кем из них я тебя познакомлю. Кое кого ты знаешь. Один из них, Роман Иосифович Шнайдер, был даже другом Петра.

— Другом?! Теперь я понимаю, что это был за «друг»! Знал бы Петя, какую гадину пригрел у себя в институте!

— Ну-ну! — нахмурилась Мессис. — Не стоит навешивать ярлыков. Теперь вы все одной веревочкой повязаны. И должны помогать друг другу. Я же буду постоянно посвящать вас во все детали продвижения нас к конечной цели. Все ясно? Повторяю в последний раз: доставишь мне письмо — получишь достойное вознаграждение, не доставишь — пеняй на себя.

После этого, до самой нашей встречи с тобой, я не виделась с Мессис. Но вся моя жизнь превратилась в одно сплошное ожидание. Ожидание чего? Я и сама не знала. Знала только, что это «что-то» изменит все, чем я жила до сих пор. Знала и боялась этого. Молила Бога, чтобы ты вообще не приехал. И как могла, готовилась к нашей встрече. Стоит ли говорить поэтому, как я растерялась, увидев тебя. Забыла все, что собиралась сказать и сделать. И в результате не смогла оставить тебя в гостях даже на час. Помнится только, что, спохватившись, я все-таки что-то промямлила о злополучном письме. Но ты сказал, что письма этого у тебя нет с собой, хотя и не отрицал, что оно действительно существует.

Ну, а дальше... Теперь ты и сам можешь переосмыслить все то, что происходило дальше. По простоте душев-

ной ты, очевидно, лишь отдавая дань вежливости, сказал, что мы еще увидимся и в течение всех последующих месяцев даже не вспомнил обо мне и своем обещании передать мне письмо, адресованное Петру. А между тем...

Стоит ли говорить, какой нагоняй я получила после нашей встречи от Мессис. Ведь единственное, что я могла ей сказать, это то, что наличие письма ты не отрицаешь и что ты выехал из города на поезде номер восемьдесят восемь, который отправляется в двадцать десять.

Но это было все-таки кое-что. И где-то через месяц с небольшим Мессис уведомила меня, что место твоего пребывания установлено. Ты остановился в небольшом поселке Раздольный, живешь у какой-то старушки, бывшей подруги твоей матери и работаешь грузчиком на складе химудобрений.

Правда, открылось еще одно неожиданное обстоятельство: ты оказался не двоюродным братом Петра — Сергеем Гнединым, а всего лишь бывшим зеком, использующим документы погибшего сержанта. Но это, с точки зрения Мессис, не имело большого значения, ибо ты так и оставался единственным источником сведений об объекте «Z», как обозначался твой лагерь в ведомстве Мессис, а, главное — именно у тебя оставалось интересующее ее письмо. Поэтому мне было приказано готовиться выехать под видом странствующего художника в район поселка Раздольный и снова «случайно» встретиться с тобой.

Не получилось. Мессис, оказывается, решила подстраховаться и чтобы снова не упустить тебя, наняла местную банду громил, чтобы они, образно говоря, «связали тебя по рукам и ногам». И это было большой ее ошибкой. Бритоголовые просто спугнули тебя. Только несколько месяцев спустя ей удалось снова установить, что ты работаешь в редакции местной газеты. Устроить меня на должность штатного художника в эту редакцию не составило ей большого труда.

И снова осечка. Не успела я установить с тобой более или менее тесные отношения, как тебя перевели вдруг в областное книжное издательство. И снова пришлось достопочтенней Мессис заняться моим трудоустройством. Зато теперь она связала нас крепко. А после того, как ты рассказал, где находится письмо, и это стало известно Мессис, передо мной была поставлена совершенно конкретная задача: увлечь тебя на поиски письма и завладеть им во что бы то ни стало. К решению этой задачи, насколько мне известно, были подключены и Шнайдер и кто-то там еще. Ну и...

Ольга глубоко вздохнула:

— Вот и наступила развязка в этом затянувшемся детективе. Теперь, как ты не можешь не согласиться, мне ничего не стоило бы похитить у тебя письмо и, отдавшись от тебя, мчаться во весь дух к своей повелительнице за сверхщедрым вознаграждением. Но...

Ольга с минуту помолчала и легонько покачала головой:

— Но ничего этого не будет. Эта мерзкая фурия предусмотрела как будто все. Все, кроме одного. Кроме того, что я полюблю тебя. А я полюбила так, как не любила никого и никогда. Полюбила больше жизни. Полюбила сразу, как только увидела тебя, и все эти долгие месяцы буквально разрывалась между своей любовью и страхом перед этим чудовищем, заставляющим меня предавать тебя. Но теперь — все! Теперь я могу только любить тебя. И больше мне не нужно ничего на свете, не страшны никакие угрозы, никакие муки. Мне нужен только ты. И я боюсь только одного: как бы ты не отвернулся от меня. Хотя ты вправе будешь сделать это после всего, что я рассказала...

Она снова помолчала:

— Ну, что ты скажешь, Сережа?

— Я люблю тебя, Оленька, — прошептал он чуть слышно, заключая ее в объятия и покрывая поцелуями ее лицо, шею, грудь. — Я полюбил тебя со дня первой встречи с тобой и буду любить

до конца своей жизни, что бы ни выкинула судьба.

Глава тринадцатая

Теперь им оставалось одно — спуститься в подвал и убедиться, что это и есть вход в подземные лаборатории, о которых шла речь в письме. Поэтому сразу же после завтрака, захватив лишь самое необходимое, они снова поднялись к развалинам лагеря и, подойдя к основанию развалившейся стены обогатительной фабрики, остановились у края зияющей чернотою ямы. Здесь к Сергею сразу вернулись прежние опасения. Нет, сам он уже почти переборол страх перед спуском в эту таинственную, полную неизвестности тьму. Но подвергать возможной опасности Ольгу...

— Слушай, Оленька, — обратился он к ней, — может быть ты все-таки останешься здесь? Мало ли что там...

— Да, там может быть что угодно. Поэтому я и не отпущу тебя одного, — решительно возразила Ольга. — Пойдем вместе.

— Ну что же, пойдем так пойдем. Только не отставай от меня.

Сергей включил фонарик и начал осторожно спускаться вниз. Лестница заканчивалась небольшой площадкой, за которой высилась массивная стальная дверь. Присмотревшись к ней внимательней, Сергей смог рассмотреть тускло поблескивающую табличку с рядом цифр.

— Вот он, секретный сторож! Помнишь, я читал тебе? — сказал он, нахмивая на цифры условного кода: 3-28-74.

Нельзя сказать, чтобы он рассчитывал на быстрый успех. Но дверь чуть скрипнула и раскрылась. За ней снова была чернильная темнота. Поводив кругом лучом фонаря, Сергей увидел, что теперь они оказались в довольно узкой, чуть выше человеческого роста штоле, со стенами и потолком, обшитыми сосновым кругляком.

Нетрудно было сообразить, что штольня шла по направлению к реке и, следовательно, вела именно в те лабораторные помещения, о которых говорилось в письме. Дышалось здесь довольно легко, пол под ногами был совершенно сухим, потолочный настил казался вполне надежным, и они, не раздумывая, двинулись вперед. Тем более что впустившая их дверь оставалась открытой, и бледный полусвет не переставал маячить за их спинами.

Так они прошли метров триста или чуть более, пока путь им не преградила еще одна массивная металлическая дверь. Но теперь Сергей знал, что делать. Набранные цифры кода сразу же заставили раскрыться и эту дверь, и луч фонарика заплясал на бесчисленных столах и стеллажах, заставленных какими-то приборами и механизмами. Но больше всего Сергея поразило то, что на полу этой подземной лаборатории отчетливо просматривалось несколько светящихся пятен неопределенной формы и очертаний. Пятна эти были совершенно неподвижны и казались кусочками дневного света, невесть как проникшего в здешние катакомбы.

— Оля, смотри! Что это? — воскликнул он, указывая на пятна.

— Не знаю... А, впрочем, взгляни вверх.

Сергей поднял глаза к потолку и увидел, что в бревнах, образующих перекрытие подземелья, зияет несколько небольших круглых отверстий, выходящих, по-видимому, на поверхность земли.

— Понятно. Стало быть, это вентиляционные каналы, с помощью которых проветривается эта темница. Так вот почему здесь такой чистый воздух!

— А сколько тут всякой техники, инструментов, посуды! — подхватила Ольга, осторожно пробираясь меж тесно расставленных столов и лабораторного оборудования.

— Да, а это вот что-то вроде библиотеки или хранилища проектной документации, — заметил Сергей, наводя луч фонарика на высокий стеллаж, занятый папками и рулонами чертежей.

— И все это целехонько, будто здесь... Ой, Сережа! Там... — вдруг вскричала Ольга, отскакивая от небольшого деревянного парапета, отгораживающего глубокую нишу в стене.

— Что там?

— Скелеты. И так много!

— Ну, это естественно. Здесь же были люди.

— Но почему они в одном месте, в этой нише?

— Трудно сказать... Ясно одно: взрывная волна не достигла этой лаборатории. Все осталось в целости и сохранности. Даже архив с документацией. И если сюда доберутся те же агенты Мессис...

— Да, им будет чем поживиться. Теперь понятно, почему они так охотились за этим письмом.

— Так же, как и то, почему автор письма так старался, чтобы его во что бы то ни стало получил Петр Ильич и его коллеги и просил его любыми путями уничтожить все, что не уничтожит взрыв.

— Но теперь... Что же теперь? Все так и оставить?

— Ни в коем случае! Теперь это наш долг — выполнить волю тех, кто погиб здесь ради будущего всего человечества. Мы должны — просто должны! — уничтожить все это.

— Но как? Как это сделать?

— Вот я и думаю, как это сделать. Взрывчатки у нас нет. Затопить все? Это не в наших силах. Вот если...

— Устроить пожар?

— Да, это единственное, что мы могли бы сделать. И если бы сгорела вся деревянная облицовка стен и потолков, то кровля наверняка обрушилась бы и завалила всю эту мерзость. Но легко сказать — сделать пожар. А как его сделать? Вот если бы был бензин или что-то в этом роде...

— А если попробовать поджечь стеллаж с документами?

— Это, пожалуй, идея! Стеллаж большой. И если он разгорится как следует... Кстати, тяга здесь при открытых дверях и этих потолочных вентиляционных каналах должна быть отличной.

Только как раскрыть двери настежь? С той, что при входе в тоннель, проблем не будет: она сразу раскрылась во всю ширь. А через эту, вторую, мы еле протиснулись. Она лишь чуть приоткрылась и сразу... Ой, что мы наделали! – Сергей выругался и стремглав ринулся по направлению к выходу.

Через минуту луч фонарика заплясал по гладкой поверхности двери. Но, как он и ожидал, там не было никаких кодовых клавиш. – Сережа! что там случилось? – бросилась за ним следом Ольга.

– Дверь захлопнулась. Совсем!
– Но мы же знаем, как ее раскрыть.
– С той стороны – да. А с этой?!

Попались мы, Оленька.

– Как попались? – еле вымолвила она дрогнувшим голосом.

– Попались по моей глупости, как мыши в мышеловку. Ведь я-то должен был знать, что здесь работали заключенные, и двери сделаны так, чтобы они ни в коем случае не смогли выйти отсюда по своей воле.

– Так что же теперь, так и погибнуть здесь? Так и... – голос ее прервался. В нем послышались слезы.

– Постой, Оля. Надо подумать.

– О чем подумать? Те, кто остались там, в нише, тоже, наверное, думали. Да видишь, чем все закончилось.

– Подожди, Оля. Говорю – постой! Те, кого ты имеешь в виду, были совсем в другой ситуации. Взрыв такой силы должен был привести к тому, что весь воздух в его эпицентре, а следовательно, и там, над выходом на поверхность здешних вентиляционных каналов, оказался непригодным для дыхания. Таким он проник и сюда, в это подземелье. И все, кто был в нем, просто задохнулись от ядовитого дыма. Потому они и сбились в одну кучу в нише у самой дальней стены, где, видимо, оставались еще остатки чистого воздуха. Так что им было просто не до того, чтобы о чем-то думать. У нас другое дело. Мы можем хоть свободно дышать.

– Что толку?..

– Будет и толк. Сейчас я постараюсь еще раз все осмыслить. Недаром говорят: даже из самого безвыходного положения можно найти выход, – Сергей старался во что бы то ни стало успокоить Ольгу, хотя и сам был на грани отчаяния.

И все-таки мысль его работала, как часы. В самом деле, что можно было бы придумать, чтобы выбраться из этого подземного склепа? Стены его на всем протяжении соприкасались только с толщей земли. Дыры в потолке слишком узки и длинны, чтобы воспользоваться ими. Дверь настолько массивна, что ее не пробить никаким инструментом.

И тем не менее единственный путь к спасению находится только здесь. Сергей повел лучом фонаря поверх двери: там было вмонтировано здоровенное бревно. Осветил края ее: они были заключены в толстенную кирпичную кладку. А низ двери? Он проходил почти у самой поверхности земли, отделяясь от нее лишь одним рядом кирпича. А что под ним? Скорее всего – земля. Как и пол, на котором они стояли. И основание туннеля, по которому они пришли сюда. Значит...

– Эврика! Олька, Эврика! – воскликнул он, хватая ее за руки.

– Придумал что-нибудь? – отозвалась она почти шепотом, боясь повредить своей догадке.

– Придумал, Оля. Сделаем подкоп под дверью. Вот тут, на пожарном щите, и лопата висит. Сядь пока, посиди на моей куртке, а я... – Сергейбросил с плеч куртку, схватил лопату и начал лихорадочно рыть слежавшуюся землю.

Нельзя сказать, чтобы это было легко. Земля поддавалась с трудом. Но отчаяние устроило его силы. Благо, чем глубже он копал, тем все более податливой становилась земля. Не прошло и часа, как он углубился почти на метр и начал подкапываться под дверь. Здесь, правда, он наткнулся на кирпичный фундамент. Но тот был не толще штыка лопаты, а под ним лежала все та же песчанистая земля, так что еще

полчаса работы, и на голову ему посыпались комья основания тоннеля. Дальше он не стал и копать. Выбрался на верх и, шагнув к двери, прямо наощупь нажал заветные клавиши кода. Дверь послушно скрипнула и раскрылась.

— Все! Олька, все! — закричал он во все горло, перепрыгивая через выкопанную им яму и бросаясь к ней. — Теперь нам сам черт не страшен.

— Ну, не скажи. Здесь, как я поняла, чего угодно можно ждать. А уж дверь эта!.. На, заложи ее, чтобы снова не захлопнулась, — протянула она ему коробку из-под какого-то прибора.

— Ты права, как всегда, Оленька. А теперь... Хватит с нас всего этого! — Он в последний раз окинул взглядом поблескивающие в луче фонарика бесчисленные приборы и механизмы и, решительно подойдя к стеллажу с бумагами, чиркнул спичкой.

Огонь не заставил себя долго ждать. Яркий язычок пламени вмиг взвился над нижней полкой. А уже через считанные минуты весь стеллаж превратился в один гигантский факел, подхваченный потоком воздуха, вырвавшегося из раскрытой двери.

Сергей схватил Ольгу за руку и увлек ее в темноту тоннеля:

— Теперь бежать, Оленька. Бежать — бежать! Воздушный поток в любую минуту может переменить направление, и тогда пламя охватит весь тоннель.

Через пять минут они поднялись на поверхность земли и, не стовариваясь, направились к реке.

Река встретила их сиянием солнечных бликов и привычным шумом переката. Погода стояла чудесная. День был полон тепла и света.

И только над зарослями шиповника, которые покрывали почти весь противоположный берег, все яснее, все отчетливее вырисовывалось несколько дрожащих столбов седовато-бурового дыма, выходящего, видимо, из устьев вентиляционных каналов подземной лаборатории.

— Ну, слава Богу, — заметил Сергей, — разгорелось там на славу.

— Видимо, да. Только не будем больше об этом говорить. Все это так страшно.

— Ты права. Займемся лучше обедом. Да и пора в обратный путь собираться.

— А со своими геологическими проблемами ты разделялся сполна?

— Пожалуй. Обыкновенная гидротермальная жила с сульфидным оруденением. Но соответствующую заявку со временем я сделаю. Она стоит этого. А вот с продуктами у нас действительно проблема. Подзадержались мы здесь.

— Ну, это пустяки. Тайга не даст умереть с голоду.

— Что верно, то верно. А кстати, те две утки, что я подстрелил вчера, где они?

— Вот тут, в палатке. Я их еще вчера оципала и выпотрошила.

— Так их и пустим в дело. Иди набери водички, а я займусь костром.

Костер разгорелся быстро, и Ольга принялась уже колдовать над котелком с дичью, как вдруг земля у них под ногами дрогнула, и глухой грохот вплелся в привычный шум переката.

Все это могло означать лишь одно.

— Это там, внизу? — проговорила Ольга, меняясь в лице.

— Да, похоже, произошло то, на что мы рассчитывали.

— И те несчастные оказались преданными земле, как и подобает христианам?

— Выходит, так.

— Царство им небесное! — неожиданно перекрестилась Ольга.

— Главное — мы выполнили последнюю волю погибших.

— Может быть, может быть... Но что же дальше? Ведь стоит нам вернуться в город...

— Я понимаю тебя, родная. Эта бесития, Мессис, так просто, конечно, тебя не оставит в покое. Надо как-то от нее отделаться. Я много думал об этом и вот что хотел бы тебе предложить. Впервые — письмо. Его надо будет отдать этой гадине.

— Как?!

— А вот так. Смотри, что я сначала с ним сделаю, — Сергей вынул из кармана письмо и, свернув его пополам, сунул в котелок с водой так, что сухими остались только две верхние строки. — Теперь дальше, — он растер текст письма ладонью до такой степени, что тот в миг превратился в сплошную чернильную кляксу и осторожно положил на землю для просушки.

— Вот таким, скажешь ей, мы вынули письмо из-под камня. Время и почвенная влага, к сожалению не способствовали сохранности столь важного документа, а проклятый бывший зек понятия не имеет, что в нем было написано.

— Ну что же, на худой конец это может и сойти. А что ты хотел предложить во-вторых?

— А во-вторых, я хотел бы сегодня, прямо сейчас просить тебя... Нет, даже молить тебя... Ольенька, милая, родная, будь моей женой. И тогда никто, никакие мессисы не посмеют и пальцем тебя тронуть.

— Сережка-а!.. Да неужели ты не видишь, не чувствуешь, что я и так твоя. Твоя на всю жизнь!

Глава четырнадцатая

Обратный переход Сергея и Ольги от переката к Заречной прошел без всяких происшествий. К концу второго дня пути они были уже у знакомой оконицы, а еще через полчаса сидели за столом у тетки Федосьи, которая, сияя от радости, без конца сновала между погребом и кладовкой, выставляя все новые и новые угощения. Наконец Ольга удержала ее за руку и усадила рядом с собой на лавку:

— Подожди, мама, посиди с нами. Сережа хочет о чем-то попросить тебя.

— Так я тут-туточки, — не стала возражать Федосья. — Говори, что у тебя там, Сергунька.

Сергей встал:

— Уважаемая Федосья Андреевна, — начал он, заметно волнуясь, — у меня к

вам огромнейшая просьба. Я хотел бы попросить руки вашей дочери.

— Это как же?.. — поперхнулась Федосья. — Хочешь ее замуж взять?

— Да, решили мы пожениться с Ольнькой, стать мужем и женой. Как вы на это посмотрите?

— Так ради Бога! — воскликнула, не скрывая радости, Федосья. — Я только об этом и молила Всевышнего.

— Тогда считайте, что это сегодняшнее застолье — наша свадьба. И выпейте за нашу будущую счастливую жизнь.

— Какая это свадьба! — возразила Федосья. — Вот, бывало... Ну да ладно, свадьба так свадьба. Сейчас все стало не так, как прежде. Главное, что ты, Олюня, встретила наконец достойного человека. Счастья и радости вам, родные мои. А я буду винчат ждать. Эх, жаль, старик мой не дожил до такого светлого дня, царство ему небесное. А теперь так: время уже позднее, и вы, чай, притомились в дороге-то, поэтому посидите тут немного без меня, а я пойду приготовлю вам постель, какую сле-дует. У меня, если хотите знать, все на этот случай припасено.

— Спасибо, мама, — Ольга приподнялась с места и поцеловала мать в щеку. Сергей сделал то же самое.

А рано поутру их разбудил внезапно послышавшийся шум машины. Здесь, в Заречной, это было более чем необычно. Поэтому Сергей, вскочив с постели, выглянул в окно и увидел, что прямо к их избе подкатывает старенькая, обтянутая брезентом полуторка, какие обычно обслуживали геологические партии.

Что бы это могло значить? Он спешно оделся и вышел на улицу. Полуторка остановилась возле самого их крыльца, и из нее вышли двое мужчин, в одном из которых он сразу узнал Шнайдера. Вторым, помоложе, был, очевидно, его сын-геолог. Но что им понадобилось здесь? Впрочем, теперь, зная истинное лицо Шнайдера, он мог не сомневаться, что это скорее всего связано со злополучным письмом и, следовательно, надо быть готовым ко всему.

Между тем Шнайдер увидел Серея и, сияя самой что ни на есть благожелательной улыбкой, двинулся ему на встречу:

— А-а, Сергей Владимирович. Очень очень рад вас видеть. А это, будьте знакомы, мой сын Всеволод. Их партия тут, неподалеку, ведет разведку одного небольшого месторождения, и он уговорил меня съездить к вам, взглянуть на ваш «прииск». Ну, а я, как вы, очевидно, догадываетесь, больше всего озабочен письмом, которое, как вы сказали, спрятано где-то здесь. Мои коллеги по институту, узнав, что вы с Ольгой Павловной поехали сюда, к ее маме, отдохнуть, специально откомандировали меня, чтобы помочь вам. Так что можете расположить мною, как вам угодно. И, может быть, сегодня мы и съездим туда, где вы побывали в свое время.

— Но это в шестидесяти километрах отсюда, и машина туда не пройдет, — возразил Сергей.

— Я так и думал. Но почему не воспользоваться рекой? Я тут уже договорился с одним мужичком, у которого есть лодка с мотором. Он согласен свезти нас туда. А для моторки шестьдесят километров — сущий пустяк. Так, может, прямо сейчас и отправимся? Тем более что погода сегодня — лучше не надо, а времени у нас в обрез. Да вон и лодка уже на подходе.

В самом деле, со стороны реки доносился рокот лодочного мотора. Шнайдер действительно даром времени не терял. И надо было на что-то решаться. Но как, все-таки, поступить?

— А может быть, вы сначала чайку попьете? — попробовал Сергей выиграть время.

— Нет, что вы! Какой чай, когда каждый час дорог. К тому же у нас все с собой. Там, на месте, и по чаевничаем. Так едем?

— Хорошо. Только я пойду переоденусь.

— Да, конечно, — согласился Шнайдер. — Мы подождем. И вот еще что. Вы не могли бы попросить выйти сюда Ольгу Павловну?

— К сожалению, нет. Моя жена немного нездорова.

— К-как?.. — вытаращил глаза Шнайдер. — Ольга Павловна — ваша жена?!

— Да, она моя супруга. Вас это удивляет?

— Нет, почему же, — быстро нашелся Шнайдер. — Просто все мы еще не слышали об этом.

— А мы и не афишировали наш брак. Только кто же это «все мы»?

— Ну... Я имел в виду моих коллег по институту и кое-кого из наших общих знакомых. Это будет такой неожиданностью для них.

— Странно. Вот уж не думал, что большими учеными может быть интересна личная жизнь в общем-то совершенно посторонних людей.

— Почему посторонних? Ольгу Павловну прекрасно знают многие из нас и не только в институте. Кстати, вы не могли бы передать ей вот это письмечко от ее близкой знакомой? — достал Шнайдер из кармана запечатанный конверт.

— Передам непременно.

— Вот и отлично. Так идите переодевайтесь, а мы спустимся прямо к лодке и будем ждать вас там.

— Добро, топайте. Я быстро, — махнул рукой Сергей, поднимаясь на крыльце.

Ольга встретила его еще в сенях и забросала вопросами:

— Как?.. Что?.. Чего им надо?

— Тсс! Тише, Оленька. Я сказал, что ты больна и не можешь выйти из дома.

— Слава Богу! А то я не знала, как и быть. Подумать только — даже сюда добрались эти изверги. Видеть их больше не могу! Так что им надо?

— Чего им надо — понятно, — усмехнулся Сергей. — А вот как нам теперь поступить, я еще не решил. Прочтем сначала вот это, — протянул он Ольги полученный от Шнайдера конверт.

— Это от Мессис? Да, ее почерк, — кивнула Ольга, взглянув на надпись: «О.П. Ланиной. Лично в руки».

— Что еще понадобилось этой беспартии? — нахмурился Сергей.

— Сейчас увидим, — Ольга надорвала конверт и, пробежав глазами текст письма, протянула его Сергею. — Вот, прочти.

В письме было всего несколько строк:

«Привет, Ольга. Крайне обеспокоена твоим молчанием. Посылаю в помощь тебе Шнайдера. Он выполнит все твои приказания. Действуйте решительно, не останавливаясь ни перед чем. Если же письмо уже у тебя в руках, отдай его Шнайдеру. Он доставит его мне быстрее и надежнее. Надеюсь на успех. Напоминаю, от того, получу ли я письмо, зависит не только мое и твое благополучие, но и наши жизни. Мессис».

Сергей вернул письмо Ольги:

— Та-ак... Все ясно. Значит, я верно поступил. Видишь ли, Оля, они предложили мне проехать на лодке к перекату, и я согласился.

— Повезешь их туда, где все это...

— Ну, нет! Довезу их только до первого переката. Откуда им знать, что есть и второй. А там, на берегу, который нас обманул, покажу им свои закопушки. Вот, мол, мой «прииск». Там же увидят они и «место», где якобы было спрятано мной письмо. Есть там хороший камешек под одной из лиственниц. Прямо у этого камня можно будет и вручить Шнайдеру то, что осталось от письма. Пусть везет это своей дорогой повелительнице.

— Дай Бог, чтобы все так и было. И все-таки я боюсь за тебя, милый. Ведь это такие люди...

— Ну, что они смогут со мной сделать? Да и зачем им что-то делать. «Прииск» они увидят, письмо получат. Больше им ничего не надо. И Мессис уговорится.

— Ой, не знаю. Но что Бог даст. Дай я перекрещу тебя на прощание.

Минуту спустя он уже усаживался в лодке, и предусмотрительный Шнайдер спешил уточнить все, что могло ждать их впереди:

— Сергей Владимирович, а вы хорошо запомнили те места? Мы не пропустим их?

— Пропустить их невозможно. Перекат просто не даст пройти нам дальше. К тому же, я уже побывал там на днях.

— Вы уже побывали там?! И что же...

Но надсадный рев мотора не дал им больше вымолвить ни слова. Лодка резко рванулась вперед и вихрем помчалась вверх по течению реки.

И вот снова перед глазами Сергея потянулись черные таежные чащобы и непролазные заросли колючего кустарника, которые еще вчера буквально давили своей неприступностью. А теперь все это словно летело им навстречу под напором встречного ветра и под неумолчный рев лодочного двигателя. Сергей даже не заметил, как они промчались мимо тех мест, где они с Ольгой брели под палящим солнцем, где останавливались на ночлег, где он попал в охотничью западню, повстречался с медведицей, и опомнился лишь тогда, когда издали послышался глухой гул речного переката.

— Ну вот, мы и приехали, — прокричал он в ухо Шнайдера, указывая на вспененную стену водопада. — Пора причаливать.

Но хозяин лодки и сам уже приглушил мотор и направил лодку к берегу.

— Ну вот, смотрите, — начал Сергей, поднимаясь вверх по склону, — там, в лесу, в нескольких километрах отсюда, располагался лагерь, а здесь, — он подвел всех к выкопанной им канаве, — я обнаружил следы кварцевой жилы с ясно выраженным сульфидным оруднением.

— И это все?! — развел руками Шнайдер младший. — А я думал...

— Я тоже рассчитывал на большее, но... — Сергей пожал плечами. — разве еще покопать.

— Пустое! Овчинка выделки не стоит. Зря ты тащил меня сюда, отец.

— Так я не специалист в этих делах. Да и не это здесь главное. А как с письмом, Сергей Владимирович?

— Письмо я нашел. Оно было спрятано вон под тем камнем, что у кривой лиственницы. Но, боюсь, что и здесь вас ждет разочарование. Я не учел того, что

река выходит иногда из берегов, а в результате – вот... – Сергей вынул из кармана слипшиеся, покрытые чернильными разводами страницы и протянул их Шнайдеру. – Вот все, что осталось от ценного письма.

– Дайте, дайте-ка мне его скорее! – вскричал Шнайдер судорожно расправляемая смятые листы. – Да здесь ничего уже невозможно разобрать.

– Да, почти ничего. Разве вот только эти строчки в конце первой страницы, – Сергей указал Шнайдеру на уцелевший обрывок текста. – «...ну, есть ли конец человеческому безумию? Создать еще одну ядерную бомбу! Будто мало на Земле подобного оружия...» – прочел тот, с трудом разбирая расплывшиеся буквы.

– И вот еще здесь, – перевернул Сергей страницу и ткнул пальцем в сохранившуюся в ней строку.

Шнайдер снова поднес письмо к самым глазам:

– «...остается одно, – прочел он почти по складам. – И мы твердо решили спасти человечество ценой собственной жизни: взорвать лагерь...» Как?! – вскричал Шнайдер, впиваясь глазами в то, что еще осталось от письма. – Так они сами себя взорвали!?

– Выходит, так.

– Но почему, черт их подери? Больше вы тоже ничего не нашли в этой промокшей писанине?

– Ни одного слова. Все смыло водой.

– Какой ужас! Какая потеря для науки!

– Ну, тут я с вами едва ли соглашусь. Если речь идет только о создании какой-то новой атомной бомбы, то потеря для науки не так уж велика. Насколько я знаю, большинство ученых не были в восторге и от первой атомной бомбы.

– Да, но вы забываете, что работа над атомным оружием привела и к грандиознейшему прорыву в области энергетики. Что бы стало с человечеством в обозримом будущем без атомных электростанций при том катастрофичес-

ком истощении запасов угля и нефти, какое растет изо дня в день.

– Ну, к овладению атомной энергией можно было прийти и минуя создание бомбы.

– Но все началось все-таки с бомбы, – упрямо возразил Шнайдер. – Так и тут: может быть, работая над какой-то новой атомной бомбой, мои коллеги открыли и какой-то новый источник энергии. И мы не узнаем об этом лишь потому, что до нас не дошло посланное ими письмо.

– Скажите уж прямо: «Лишь потому, что какой-то растяпа не сумел сохранить это письмо», – не смог скрыть раздражения Сергей. – Только почему вы все крутитесь вокруг упоминания об атомной бомбе и не хотите вдуматься в самое главное, что сохранилось в письме, в то, что ваши коллеги «решили спасти человечество ценой собственной жизни»?! СПАСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО! Это вам о чем-то говорит? Вот смерть этих героев, ученых-физиков – действительно невосполнимая потеря для науки. А жалеть о том, что мир так и не узнал о чем-то страшном, что едва не нависло над нами, едва ли стоит.

– О всякой опасности, какой бы она ни была, тоже бывает нeliшне знать, – снова возразил Шнайдер.

– Смотря кому знать. Кое-кто только и ждет, чтобы заполучить идею о какой-нибудь новой опасности.

Шнайдер заметно вздрогнул и побледнел. Но тут же взял себя в руки:

– Да, мало ли извергов на свете. Ну да что теперь об этом говорить.

Текст письма не воскресишь. И все-таки, Сергей Владимирович, может, вы, тем не менее, отадите мне его. Дело в том, что, как я уже говорил, мои коллеги специально командировали меня сюда за этим письмом, и я должен как-то отчитаться перед ними.

– Как вам будет угодно. Мне письмо не нужно.

Больше они не обменялись ни словом. Ни по пути в Заречную, ни при отъезде Шнайдера из деревни. Не кос-

нулась больше этой темы и Ольга. Она лишь крепко прижалась к Сергею всем телом и тихо промолвила:

— Главное, что ты вернулся живым и невредимым и отделался от этих подонков, а все остальное... Не будем больше вспоминать об этом. И не сердись на меня за прошлое. Поверь, что я действительно была вынуждена преследовать тебя столько времени. Зато теперь... — осталось договорили ее глаза и губы.

— Я люблю тебя, Ольенька, — прошептал Сергей.

И этим было сказано все.

сматривая, как обычно, газеты, наткнулся на две небольшие заметки.

В одной из них, в разделе «Происшествия», говорилось: «Сегодня, 24 августа, по неясной пока причине покончила жизнь самоубийством старейшая работница главпочтамта С.Л.Мессис».

В другой, в рубрике «Новости науки», значилось: «По сведениям, поступившим из астрономической обсерватории, в ночь с 23 на 24 августа в созвездии «Весы» была зарегистрирована вспышка сверхновой звезды, светимость которой в сотни миллионов раз превышает светимость солнца, а в спектре ее обнаружена отчетливо видимая линия трансурана нептуния».

Рисовал
Анвар Сайфутдинов

Прошло чуть больше месяца после описываемых событий, когда Сергей, прия на работу в издательство и про-